

СЛОВА

Литературно-художественный журнал

Literary and Art Journal

SLOVA

Ольхар Линдсанн / Olchar E. Lindsann.....	5
Карло Бугли / Carlo Bugli.....	25
Томмазина Сквадрито / Tommasina Squadrito.....	33
Диана Магаллон / Diana Magallon.....	39
Джим Лефтович и Билли Боб Бимер / Jim Leftwich & Billy Bob Beamer.....	47
Уоррен Фрай / Warren Fry.....	53
Тим Гейз / Tim Gaze.....	55
Света Литвак / Sveta Litvak.....	57
Нико Вассилакис / Nico Vassilakis.....	59
Имоджен Энджайн / Imogene Engine.....	63
Вилли Мельников / Willy Melnikov.....	65

Редакторы:

Инна Кириллова, Глеб Коломиец

Editors:

Inna Kirillova, Gleb Kolomiets

Работа на обложке:

Карло Бугли

Cover art:

Carlo Bugli

САЙТ ЖУРНАЛА:<http://slova.name>**Группа в ВК:**http://vk.com/slova_journal**Страница в Facebook:**<https://www.facebook.com/slovajournal>**WEBSITE:**<http://slova.name>**VK group:**http://vk.com/slova_journal**Facebook page:**<https://www.facebook.com/slovajournal>**ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:**amati6@mail.ruardor@list.ru**EMAILS:**amati6@mail.ruardor@list.ru

Мнение автора и редакции может не совпадать.
 В текстах сохранена авторская орфография и пунктуация.
 Все материалы опубликованы с согласия авторов.

Author's and editors' opinion could be different.
 All the texts are published in the author's editions.
 All the materials are published with authors' permission.

Ольхар Линдсанн. Отрывок из книги «Открытое письмо авангардистам»

Перевод Группы анонимных переводчиков

< 1. >

Авангардные сообщества все в большей степени совмещают деятельность на локальном и международном уровне. Большинство из нас вовлечены в местные сообщества или микро-группы авангардистов. Последние могут состоять из трех или четырех человек (или одной семьи), но даже такого небольшого количества людей достаточно для формирования контекста, поддерживающего альтернативные стили жизни, новые формы дружеских или интимных отношений, коллективные проекты и экспериментирование в области психосоциальных, личностных и иных видах трансформаций, не говоря уже об оказании простой эмоциональной и психологической поддержке, необходимой для любого настоящего радикального проекта по переизобретению самого себя.[1] Зачастую даже в небольших городах есть достаточно крупные сообщества с широким охватом, и это позволяет резко расширить набор концептуальных ориентиров, которыми они оперируют, формирует более насыщенный спектр возможностей, позволяет накопить достаточно мощностей для реализации коллективных проектов — книг, журналов, мероприятий, выставок — которые выполняют, по меньшей мере, три роли: становятся платформами коммуникации на международном уровне, выступают в качестве инструмента развития коллективной идентичности и укрепления солидарности, становятся площадками для взаимодействия и диалога с другими локальными сообществами. Именно в локальных сообществах разворачиваются частные и малозаметные (и при этом самые важные) активности авангардистов. Речь идет о дружбе и разделении опыта, оказывающих мягкое, но глубинное воздействие на людей. На этом уровне взаимодействия личное может быть разделено, исследовано и измене-

но самым радикальным образом. Здесь острее всего проявляется воздействие социальных изменений, происходящих во внешнем мире. Если корни местного сообщества авангардистов глубоки и широки, если жизни его членов связаны не только с соратниками-авангардистами, но и с жителями всего города, участники сообщества становятся посредниками в деле распространения идей и практик авангарда через сотрудничество и обмен с локальными сообществами. В этом помогают самые разные практики инакомыслия, любые действия и высказывания, которые специфически влияют на локальный контекст, любые проекты и концепции, приносящие пользу всем вокруг. Культурный ландшафт всего города изменяется под влиянием частных альтруистических деяний. Несмотря на то, что международная сеть несопоставимо шире локальной, более насыщена радикальными практиками и обладает большим интеллектуальным ресурсом, она лишена крепких материальных связей: у неё нет своего определенного «места», нет той непосредственности, которая бы позволяла её участникам говорить и делать так, чтобы это было понято здесь и сейчас, внутри конкретного контекста. Лишь индивид или локальная группа могут осуществить в реальности то, что в виде идей циркулирует по глобальной сети, и адаптировать эти идеи к специфике конкретной ситуации, заставить это работать в конкретном времени и месте.

В то же время, каждое из локальных сообществ с неизбежностью имеет свой собственный, постоянно изменяющийся характер, оказывающий влияние на крупную глобальную сеть. Малые группы становятся её координатными точками, актуализируя внутри отдельного коллектива практики, точки зрения и способы деятельности таким образом, что они становятся примером для всех участников сети. Локальные сообщества становятся важными узлами сети, где осуществля-

The excerpt from "Open letter to avant-garde"

Overwhelmingly, for instance, our community tends to exist simultaneously on both local and transnational levels. Most of us are involved with local avant-garde communities or micro-communities. These might consist of only three or four people, perhaps of a single family; but even such a small a number can provide the context for alternative ways of living, new forms and applications of friendship and intimacy, catalysing projects, deeply-binding shared experiences, and experiments in psychosocial, mystical, and other frameworks of transformation—not to mention the basic emotional and psychological support necessary to sustain any truly radical project of self-reinvention.[1] Often, even in smaller towns and cities, a community is larger and broader, opening the way for a wider dispersal of coordinates and a richer set of local possibilities, not to speak of the capacity for more collective projects—books, journals, events, exhibitions—which serve at least a threefold purpose: as platforms for transnational dialogue and communication of individuals within the community; as vehicles for the development of communal identity and solidarity; as venues for interaction and dialogue with broader local communities outside that of the avant-garde (or with international avant-garde networks).

It is within local communities that the most subtle and intimate activity of the avant-garde—and its most fundamentally valuable action—can take place, in the form of friendship and shared experience which can come to act in the most indirect but pervasive ways; where the personal can be most fully shared, explored, and transformed. Often, it is also on the local level that the most practical social change outside the group itself can take place: if the roots of local avant-gardists drive deep and

wide in the places where they live, if their lives are integrated not only with their fellow avant-gardists but with the rhythms and concerns of their entire town, they are in a position to serve as mediators of ideas and practices, to collaborate and exchange with local communities rooted in different paradigms of dissenting praxis, to act and speak in ways sensitive to the particularities of this place, to identify concrete developments and goals to benefit everyone around them, and by slow and generous interaction to change the landscape of their hometown. While the international network assembles greater numbers, more intensive focus on radical practices, and thus more perspectives and more intellectual resources, it still has no body: it cannot be present in any one place to do what must be done, to speak what must be spoken in just the way it must be understood, here, now. It is the local group and the individual who embody and internalise what the network has to offer, adapt it to the specifics of the concrete situation, and set it to work in the place they live.

At the same time, these local communities inevitably develop a character of their own—always evolving, of course—within the larger, transnational network. They act as co-ordinates within it, pushing certain practices, focuses, and modes of activity to the forefront where everyone can learn from them. They become important nodes of the network through which their particular collective interests, aptitudes, or strategies can be understood and disseminated in condensed form. In many cases various local communities will forge strong ties with each other as local communities, in addition to their affiliations with the network at large.[2] These connections consist of regular visits back and forth, unique or amplified correspondence circles, joint publi-

ется накопление и трансляция общих интересов, страстей и жизненных стратегий. Зачастую несколько локальных сообществ завязывают крепкие дружеские связи, помимо контактов с сетью в целом.[2] Эти связи образуются благодаря постоянным поездкам, активной переписке, коллективным изданиям, повторению перформансов, обмену лекциями, удаленному соавторству, локальным акциям и многому другому. Такие сообщества могут быть интерпретированы двояким образом: с одной стороны, они являются частью большой глобальной сети как представители локальной территории, с другой – сосуществуют внутри этой территории с дружественными сообществами.

Один из результатов такой двойной интерпретации связей сообщества – указание на то, что международная сеть авангарда, которая лишена четко определенных границ, становится одновременно и дополнением к локальному сообществу, и внешним по отношению к нему агент. Именно по этой причине мы до определенной степени защищены от изоляции и теоретического солипсизма – из-за того, что мы все чаще сталкиваемся с воздействием со стороны других регионов и сами воздействуем на них. Наши социальные структуры, концептуальные рамки и стратегии, которые мы из них извлекаем, постоянно триангулируются, переоцениваются, постоянно обновляются и уточняются. В каком-то смысле, международный авангард можно сравнить с генофондом, производящим все новые варианты сообществ, стратегий, социальных группировок и теорий. Разнообразие узлов сети непосредственным образом влияет на нашу совместную способность реагировать на изменяющуюся культурную ситуацию и, таким образом, поддерживать наше присутствие как живую, активную силу, пусть зачастую и незаметную.

Поэтому на национальном и международном уровне первичную роль играет то, что мы обмениваемся идеями и спорим, тем самым развивая наши стратегии выживания и практической деятельности. Большая часть авангардного дискурса – те тексты или жесты, которые

предназначены для выяснения нашей сущности, способностей, самой возможности такого выяснения – сохраняется и распространяется при помощи международной сети (и этот текст не исключение). Общее понимание, которое, таким образом, разделяется крупными сегментами сети[3], не только делает эти практики или концептуализации доступными огромному количеству узлов внутри сети, но также придает большее значение тем тактикам, которые становятся реакцией на ситуацию на местах. Таким образом, международная сеть создает бесконечное, детерриториализованное хранилище общего знания и техник, из которого участник отдельного сообщества может взять что-то для себя и внести в него что-то свое.

Международное сообщество также помогает сфокусировать внимание его участников на основополагающих вопросах и формах существования авангарда, и это не под силу никакому отдельному сообществу, быть может, за редким исключением.[4] Учитывая ничтожно малое число людей, подготовленных к последовательному и целеустремленному исследованию возможностей авангарда, число участников локальных сообществ весьма невелико. К «ядру» индивидов, полностью погруженных в практики авангарда, примыкает чуть большая группа людей с варьирующимися пристрастиями. Эти люди вовлечены в более широкий, но зачастую менее радикальный в культурном/творческом/интеллектуальном плане круг местных сообществ.[5] Такая структура облегчает распространение авангардных установок и практик за пределами сообщества. Но, в то же время, участникам, составляющим «ядро» группы, трудно поддерживать свою вовлеченность в процесс, сохранять интерес к нему, не ослаблять бдительность или не терять активность и соблюдать чистоту своих личных или эзотерических практик. Чтобы питать и снабжать новыми вызовами самые радикальные аспекты наших уникальных форм социальной и субъективной практики, мы не можем опираться на наше взаимодействие и общение с теми,

cations, repeated performance and lecture exchanges, long-distance collaborations and projects focusing on the issue of locality or place, and many other strategies. The people working in such communities engage simultaneously with, and carefully coordinate, multiple understandings of 'community'—as individuals working within the local community; interacting directly with the eternal network; working within the network as representatives of the local community; and working as part of the locality in relation to others as representatives of another local place.

One result of these multiple relationships with the idea of community is that the international network of the avant-garde—which after all does not even have a distinct limit—is always simultaneously an extension of, and a stranger to, our local communities and our personal practices. It is for this reason that it protects us (to a degree) from insularity and theoretical solipsism; we are continuously met with influence from other places, and influence them in turn. Our social formations, our conceptual frameworks, and the strategies which we derive from them are constantly triangulated, constantly re-evaluated and improved. In one sense, the transnational avant-garde could be compared to a gene-pool, from which new communities, new strategies, new social groupings and ideas constantly merge, separate, and renew themselves. The diversity of nodes in the network directly affects our communal ability to adapt with changing cultural conditions, and therefore to maintain our presence as a living force, however subterranean.

It is therefore primarily on the national and transnational level that we exchange, debate, and develop our strategies for survival and praxis. Most of the discourse of the avant-garde—those texts or gestures intended to interrogate who we are, what we are capable of, and how to realise these capacities—is conceived of and

distributed through the transnational network (the present text is no exception). The common understandings which are thereby shared by large portions of the network[3] not only make these practices or conceptualisations available to any number of nodes within the network, but also give more meaning to those tactics that emerge as unique responses to local situations. The transnational network therefore supports an immense, deterritorialised storehouse of communal knowledge and techné from which anyone working within it can draw, and to which any of us can add, regardless of our local situations.

The transnational community also provides a sustained collective focus on the fundamental questions and activities of the avant-garde, a focus impossible in any but a very few local, terrestrial communities.[4] Given the inevitably tiny proportion of people in any one place who will be prepared to explore its possibilities in a consistent and determined way, most local communities comprise only a very small core of people fully immersed in the avant-garde, and a larger number of people with varying affinities or affiliations with it, a group which shades into the broader and, most often, less radical cultural/ artistic/ intellectual communities of the place.[5] While this situation facilitates the exoteric dissemination of avant-garde attitudes and practices beyond its core, it is rarely sufficient to keep the involvement of those core organisers fresh and alert, or to keep their personal or esoteric practices vital and rigorous. To nurture and challenge the most radical aspects of our unique forms of social and subjective practice, we cannot depend solely for our interaction and discourse upon whomever happens to be within commuting-distance of our homes. So, in a paradoxical way, the local community represents the avant-garde's (always provisional) embodiment, while the transnational community constitutes its (abstract but actual) integrity.

кто по случайности оказывается в пределах пешей досягаемости. Так что, парадоксальным образом, локальное сообщество являет собой воплощение авангарда в целом(всегда неустойчивое), а международное сообщество отвечает за повышение сплоченности его членов (абстрактной и в то же время объективной).

Международное сообщество, включая все объекты, тексты, идеи и исторические материалы, циркулирующие внутри него, представляет и удостоверяет авангардный проект в конкретных точках пространства и времени. На самом поверхностном уровне это означает, что авангард может существовать в любом контексте, оставаясь самим собой, во всяком случае, потенциально, что он может внедряться в любые структуры или самопроизвольно зарождаться в любых условиях, в любом месте. Однако, следует отметить, что история авангарда развивается и архивируется преимущественно на международном уровне.[6] Где бы мы ни находились – в Аргентине, Хорватии, Италии, Канаде – мы создаем собственную идею авангарда на основании наших уникальных связей и положения внутри их структуры, но также и посредством изучения почти что одинакового для всех корпуса текстов и артефактов, общей совокупности знаний об авангардистах прошлого. Мне не нужно делать дополнительных пояснений для большей части сообщества, если я упомяну Швиттерса, Лотреамона, Арто, Жари, Канстена или Дебора.[7]

Таким способом международная сеть поддерживает непрерывность и текучесть сообщества. Общая память, которую наследует международное сообщество – корпус текстов, объектов, мифов и практик, из которых состоит его фольклор – закладывает фундамент общего понимания ставок в игре (что такое авангард, как это работает), а также наделяет нас общим языком аллюзий и набором смежных опытов, которые укрепляют необъяснимую близость, благодаря которой поддерживаются международные связи и дискурсы Вечной Сети. Так открываются возможности для тех, кто только начал разбираться в авангардных теориях и практиках,

равно как и для тех, кто не причисляет себя к авангардистам, но при этом вступает в конструктивное взаимодействие с сообществом с несколько иной перспективой: ради обогащения своего концептуального ландшафта и набора практик.

Международное сообщество формирует солидарность между людьми, которые никогда лично не встречались. Она основывается на понимании сообщества, как чего-то детерриоризированного по природе, но при этом укорененного во множестве локальных контекстов. Эта солидарность, основывается на взаимодействии и коммуникации, не опосредованных какими-либо институтами, но в то же время и не являющихся непосредственными. Это товарищество, которое можно охарактеризовать скорее как беспредпосылочную дружбу, чем объединение на основании общего языка, нации, религии или (в меньшей степени) идеологии.[8] Сообщество, созданное на таких основаниях, структурно противоположно сообществам националистов, ксенофобов и шовинистов[9]. Пожалуй, только благодаря этому авангардисты смогли сформировать международную оппозицию локальным (и от этого не менее отвратительным) злоупотреблениям власти, в частности, в Южной Америке.

Исключение идеологии из центра самоопределения авангарда, безусловно, может стать обоюдоострым лезвием, источником опасности. Возможно (и так иногда бывает в действительности), что в поисках новых парадигм авангард приходит к стратегиям и идеологическим позициям, которые большинство из нас считают недопустимыми и обязаны публично критиковать. [10] Переход футуристов от анархизма к фашизму – самый яркий пример, хотя это и противоречило всему, что делалось тогдашними авангардистами. В этом случае неполитическая природа солидарности авангардистов привела к тому, что международное сообщество слишком долго закрывало глаза на этот аспект политики футуристов;[11] но в то же время, это позволило дадаистам перенять и революционно переосмыслить

The transnational community—including all of the objects, texts, ideas, and collective memories circulated within it—represents and ensures the continuity of the avant-garde project, in space and in time. On its most obvious face, this means that the avant-garde can exist, potentially at least, everywhere and anywhere, and still be itself. That it can inject itself into, or arise from within, any situation in any place where there might be a call for it. But we must also note that it is overwhelmingly on the transnational level that the history of the avant-garde is developed and preserved.[6] Whether we are working in Argentina, in Croatia, in Japan, in Italy, or in Canada, all of us have developed our ideas on the avant-garde, on our own identities and our places within it, very largely through engagements with a shared body of texts and artefacts, a shared knowledge of avant-gardists who have come before us. I need not explain myself to most of this community if I refer to Schwitters, Lautréamont, Artaud, Jarry, Cantsin, or Debord.[7]

In this way the international network provides the medium for the community's continuity and transmissibility. The collective memory inhering in the international community, the set of texts, objects, myths, and the practices which constitute its folk-ways, provide the basis for a shared understanding of what is at stake with the avant-garde project—what it means, how it works—and provide an allusive language and a set of contiguous experiences that underpin the uncanny intimacy that supports long-distance relationships and discourses within the Eternal Network. They provide a way for those just discovering the avant-garde, and those who without identifying themselves with it nonetheless wish to engage constructively with the community from a different perspective, to orient themselves within its broadest conceptual and practical terrain.

The international community thereby comes to constitute a milieu of solidarity with people who we have

never met in person. This is a solidarity founded in a notion of community which, despite its deterritorialised nature, is structurally parallel to grassroots: a solidarity based in forms of contact and communication which are neither institutionally mediated nor entirely direct; a camaraderie characterised by the extension of presumptive friendship rather than by affinities of language, nation, religion, or (to a lesser extent) ideology. [8] Such a community is structurally averse to nationalism, xenophobia, and jingoism,[9] and this is one reason why it has been effective in organising international opposition to relatively local (though often heinous) abuses of power, particularly in South America.

This exclusion of ideology from the centre of the avant-garde's self-conception can of course be a double-edged blade, and will always carry a certain danger; it is possible, and sometimes occurs, that in the search for other paradigms elements of the avant-garde will be led into strategies and ideological positions that most of us find repugnant and may sometimes need to publicly attack. [10] The trajectory of the Futurists from anarchism to Fascism is the most flagrant example, though here too the Futurists stood at odds to the rest of the avant-garde. In this case, the non-political nature of avant-garde solidarity caused the international community to turn a blind eye toward this aspect of Futurist politics for far too long;[11] at the same time however, this contact allowed the Dadas to adapt and detourne almost the entire Futurist programme in service of a radically re-imagined community rooted in ontological anarchism. As mentioned earlier, the 19th Century avant-garde was much more ideologically heterogeneous than the community is now, for better and for worse.

On another plane, too, we must be vigilant that the detourne or sublimation of nationalism at play in the transnational avant-garde's social structure does not degenerate into merely a displaced or disembodied

(detourne) программу футуристов, поставить её на службу радикально иному сообществу, укорененному в онтологическом анархизме.

Иными словами, мы тоже должны бдительно следить за тем, чтобы критическое переосмысление или сублимация национализма в структуре международных связей внутри движения не превращалась в смещённую или смягченную форму национализма. В случае, если мы нуждаемся в создании закрытого сообщества с конкретным названием или названиями, мы, тем не менее, никогда не должны соглашаться с заблуждением о том, что существует «внутреннее» и «внешнее» по отношению к сообществу авангардистов – «мы» и «они». В других своих текстах я писал, что авангарду свойственна особая «пористая» структура и способность приспосабливаться к локальной ситуации. В одном месте авангард действует так, в другом – по-иному, в разных аспектах по-разному. Он никогда не равен сам себе, поэтому мы можем обнаружить или создать его в любом месте. А когда потребуется, мы всегда можем дополнить его другими парадигмами и средами.

Латентные потенциалы тотализации или исключения, присутствующие в концепции авангарда, по большей части устраняются благодаря многообразию способов самоорганизации микро-сообществ, сегментов сети и её отдельных узлов. Существует столько же моделей, сколько способов объединения людей, и все они сообщаются или пересекаются друг с другом. Но все же существует ряд нестрого определенных стратегий, которые нужно исследовать и проверять на наличие репрессивных элементов.

< 2. >

Проведем небольшой мысленный эксперимент: забудем о физической, формальной и эстетической природе объектов, которые создают авангардисты, забудем, что их называют «искусством» и исследуем то, что помещалось в его тени. С чем можно сравнить авангард, из которого устранили «искусство»? Какие атрибуты

проявляются, когда мы размышляем о том, чем может быть авангард по существу?

Прежде всего, мы обнаруживаем сообщество: сложно организованную субкультуру, которая имеет бесконечное множество частных проявлений, но при этом наделена общим набором социальных стратегий, общим массивом традиций, историй и жизненных опытов, находящихся до определенных, требующих отдельного рассмотрения, пределов – за границами мейнстрима западного общества.

Это сообщество можно охарактеризовать как обширную Сеть. Её узлами могут быть индивиды, чьи интересны и жизненные практики позволяют им постоянно поддерживать контакт с другими авангардистами по всему миру, либо коллективы, группы, семьи, кланы и микро-сообщества, чьи активности осмысленным образом пересекаются с набором других аналогичных групп. В некоторых случаях узлами становятся журналы, блоги и другие площадки, предназначенные для теоретических обсуждений, публикации новостей, и других типичных форм обмена и общения. В особенности благодаря этим последним, разного рода эксперименты и практики жизни и общения передаются между узлами без непосредственного контакта между ними – так к структуре Сети добавляются новые связующие нити.[12]

Мы обнаруживаем, что на протяжении всей истории авангарда узлы его сетей производили характерные модели построения социальной структуры. Пожалуй, самой распространенной из них была локальная группа или коллектив с тесными дружескими связями и, зачастую, общим названием (например «младофранцузы», TheIncoherents, Клуб Дада, Semina), которое фиксировало их идентичность и социальный контекст, пусть даже состав группы был подвижным или непостоянным. Сообщества такого рода создавали уникальные языки, ритуалы и практики, они совершали коллективные эксперименты или радикальные исследования в сфере общих интеллектуальных, социальных или философских интересов. Они разделяли

nationalism. If it is necessary to designate the community with some name, or with several names, in order to analyse and develop it in detail, we must never accede to the misconception that there is an 'inside' and 'outside' to the community, an 'us' and a 'not us'. I have insisted already upon the porousness of the avant-garde, its adaptability to local conditions, and shall expand upon this further in later chapters. The avant-garde acts in one way here, another way there; in this aspect of one activity, in that aspect of another. It can never equal itself, and therefore we can find it or construct it anywhere. And, when needed, we can step out of it to communicate with other paradigms and milieus. Latent totalising or exclusivist potentials in the concept of the avant-garde are in large part checked by the heterogeneous ways in which micro-communities, sub-networks, and nodes organise themselves. There are as many models as there are group formations, all communicating and intersecting with others; indeed, most groups within the avant-garde combine elements from a variety of models. Still, certain broadly-defined strategies can be identified, and it is worth examining in some detail the most prevalent of these social models.

* * *

An experiment: Let us hypothetically subtract from our minds the physical, formal, and aesthetic nature of the things that avant-gardists make, forget that they have ever been called 'Art', and examine what has been obscured in its shadow. Once we have removed 'Art' from the avant-garde, what does it look like? What attributes offer themselves up as we consider what the avant-garde might be?

First and foremost, we discover a community: a complex subculture which takes an infinite number of forms but shares a common set of social strategies, a common array of traditions and histories, and the common

experience of living—to varying extents that must be examined—outside the norms of mainstream Western society.

We often conceive of this community in the form of a vast Network: its nodes are in some cases individuals whose concerns and practices of living keep them in constant contact with others around the world; in some cases the nodes are collectives, groups, families, clans, and micro-communities whose activities intersect meaningfully with an array of others'; in some cases journals, blogs, and physical spaces function as communal forums for discourse, news, and idiosyncratic forms of sharing and communication. Especially through these latter, various experiments and practices of living and communicating are passed along to other nodes without direct contact with their points of origin, and thus new connective strands are added to the Network.[12]

We find that throughout the history of the avant-garde, its network-nodes explore certain characteristic models of social structure. Perhaps the most characteristic has been the tightly-knit local group or collective; these groups are often named (ex. The Bouzingo, The Incoherents, Club Dada, Semina) to cement their identity as social contexts, even if their membership is fluid or unfixed; they develop their own internal languages, their own internal rituals and practices; they set out upon collective experiments or radical researches into areas of common intellectual, social, or philosophical interest; they share particular orientations or affinities with this or that other aspect or grouping of the avant-garde, past or present; they provide themselves with spaces in which their community can share and develop, in the form of journals and events; they construct both inner and outer faces, not only maintaining their own communities but constructing collective self-presentations through which they attempt to affect or communicate with the broader society that they inhabit. In designing

общие точки зрения или симпатии относительного того или иного аспекта или группировки авангарда прошлого или современности. Они отыскивали для себя помещения, в которых сообщество могло встречаться, заниматься издательской деятельностью или организовывать мероприятия. Они формировали свое лицо, как для использования внутри сообщества, так и обращенное вовне, не только поддерживая таким образом свое единство, но и создавая коллективную самопрезентацию, посредством которой они могли пытаться влиять на общество в целом или вступать в диалог с ним. Создавая уникальные внутренние взаимоотношения, эти группы заимствовали элементы множества моделей: семьи, тайного общества, исследовательского института, политического движения, племени или клана. Они пересекались со множеством других субкультур и маргинальных традиций. Во многих случаях, в особенности в XX веке, они создавали федеративные сети, состоявшие из нескольких таких локальных групп, в совокупности образовывавших международное сообщество (например, дадаизм, футуризм, сюрреализм, неоизм, пост-нео-абсурдизм и другие). Авангардисты-одиночки, не входившие в локальные сообщества, использовали другие, более широкие структуры, чтобы сформировать свои способы ориентации внутри социальных структур – посредством взаимодействия и сотрудничества с авангардными журналами, лейблами и фестивалями, как внутри Вечной Сети, божественных сообществ, организаций политических и неполитических активистов, герметических сетей, так и на чуждых им по духу социальных территориях.

Другое качество, свойственное большинству (почти всем) авангардным сообществам – это обмен вещами – предметами, текстами или музыкальными произведениями, акциями или опытами, пережитыми некоторыми членами сообщества специально для того, чтобы поделиться ими с другими. Конечно же, даже авангардисты зачастую называли многие из этих вещей «искусством», «литературой» и проч. – эти определе-

ния сами просились на язык, и более того, для большинства современных авангардистов выходение в движение началось благодаря его пересечениям с «художественными» практиками. Надо сказать, эти первые впечатления глубоко на нас повлияли. И, тем не менее, функция, которую эти вещи выполняют внутри наших сообществ, фундаментально расходятся с прерогативами Искусства. В идеале эти вещи могут быть в том числе и произведениями искусства, но пока они существуют и действуют внутри сообщества авангардистов, их первичная сущность заключается вовсе не в статусе объектов отстраненного созерцания, украшения или продуктов, созданных для рынка искусства или литературы. Если их отделить от сети социальных отношений, которая их сформировала, они лишатся своей подлинной сущности. Внутри сообщества они не потребляются, а циркулируют.

Для нас эти объекты становятся подарками, семейными реликвиями, тотемами, сувенирами, напоминаниями о нашем общем прошлом, координатами нашей общей жизни. Это наши общие вещи. Их значимость в гораздо меньшей степени определяется их «значением», чем тем фактом, что они были созданы нашими друзьями или друзьями наших друзей, нашими предшественниками и соратниками. Это свидетельства действий, благодаря которым наши сообщества обретали свое единство. Эти вещи были созданы для сообщества, они отражают тот вклад, которое сообщество вносит в общее дело и фиксируют исторический факт их существования. Именно поэтому мы любим эти вещи, поэтому мы размышляем о них, обсуждаем, выставляем их в наших домах, воспроизводим в журналах или блогах.

В последнем случае они расширяют зону своего присутствия за пределы локальной территории и выходят в общее пространство Сети. Здесь их функция несколько изменяется. Они становятся средствами коммуникации, поводом для новых встреч. Благодаря этим вещам мы встречаем друг друга, знакомимся вопреки непреодолимым географическим, языковым и временным барьер-

their own internal relations, these groups have taken elements from many models: families, secret societies, research institutions, political movements, tribes or clans. They have intersected and overlapped with many other subcultures and marginal traditions. In many cases, especially in the 20th Century, they have created federated networks of these local groups to constitute international communities composed of networked local collectives (for example Dada, Futurism, Surrealism, Neoism, Post-NeoAbsurdism, etc.). Outside of such groups, individuals living within the avant-garde have utilized other, more diffused structures to create their own individual but related ways of navigating its social structures—through interactions and collaborations with avant-garde journals, labels, and events as well as through the Eternal Network, bohemian communities, political and activist organisations, hermetic networks, and other related social fields.

As already indicated, another trait shared by most—nearly all—avant-garde communities is the exchange of things. These things might be hand-crafted objects, or texts, or works of music. They might be actions or experiences designed by certain members of the community to be shared with others. Of course, even by avant-gardists many of these things have quite often been called 'art', 'literature', etc.—these are the terms most readily at hand, and moreover most of us initially discovered the avant-garde only because of its intersections with 'artistic' practice, for reasons we shall explore further on; and these first impressions run deep. But the function that these things play within our communities is fundamentally different from the prerogatives of Art. At most they can serve a double function, but insofar as they exist and act within the avant-garde their primary importance lies not in the status of objects of detached contemplation, much less of decoration, or of products destined for an Artistic or Literary market. They cannot

be detached from the social network from which they emerge without their significance being killed. Within the avant-garde they are circulated but they are not consumed.

Within our local communities, these objects serve as gifts, as family heirlooms, as totems, as souvenirs, as relics, as prompts to our collective memory, as coordinates to our communal lives. They are things we share. Their significance comes less from their 'meanings' or their 'innovations' than from the fact that they were made by our friends, or by friends of our friends, by ancestors or comrades. They are remnants of human actions, which bind together the communities for which they were made and which perpetuate the contributions, the presence, or the memories of the people who gave them to us. It is this that makes us love them, that prompts us to use them as objects of meditation or discussion, to display them in our homes or reproduce them for our journals and blogs.

Through these latter, they extend their existence beyond their local Place, and pass into the Network. Here their function, though related, is different. They become vehicles of communication, of encounter. It is through these things that we encounter each other, come to know each other even when separated by otherwise unbridgable gulfs between us in geography, language, or time. The thing that is shared with us by somebody we have never met in person, and possibly never could meet, represents a gesture of potential friendship and camaraderie when it arrives in the post, appears in a journal or blog, is printed or screened or played or read or performed. It is a token of exchange—we must be constantly on guard that this exchange remain neither capitalistic nor ideological, but human and mutually productive.[13]

More importantly, these things are attempts to communicate (not merely to symbolise) in ways otherwise

ерам. Вещь, которую кто-то, кого мы никогда не встречали и вероятно никогда не встретим, разделяет с нами – это жест нашей потенциальной дружбы и товарищества. В этом заключается определяющее свойство обмена между авангардистами, и мы должны неусыпно заботиться о том, чтобы этот обмен не стал капиталистическим или идеологическим и оставался человеческим и помогал нам сохранять продуктивность.[13]

Что более важно – эти вещи являются такой формой общения (а не просто символического выражения), какая невозможна в ином контексте. Эксперименты в области международной коммуникации, производившиеся группой заумных поэтов более столетия назад, были самыми яркими проявлениями этого проекта, но они были порождены самой фундаментальной проблемой авангарда с момента его возникновения. Сеть дадаистов состояла из десятков локальных групп и сотен индивидов, разбросанных по всей Европе, Азии и обеим Америкам, и их деятельность осуществлялась на десятке языков, часто по обе стороны границ воюющих стран, почтовая корреспонденция в которых находилась под надзором и активно цензурировалась. В таких условиях никакой лингва франка или конвенциональный дискурс не справились бы с делом поддержания диалога и коллективной солидарности. Сеть из тысячи элементов – коллажей, фонетической, асемической, многоязычной или паралингвистической переписки или изданий определяла повседневную жизнь международного сообщества дадаистов.[14] Это было не эстетическое, а практическое, реалистическое решение проблемы построения и поддержания сообщества, которое в иной ситуации нельзя было бы даже помыслить. И это лишь один из множества ярких примеров из истории. Мы можем проследить аналогичную динамику внутри любой международной группировки авангардистов, и ранее – у множества их предшественников, например – в случае графически-асемической переписки и сети изданий, ставших социальным основанием герметического и алхимического сообществ в

средних веках и эпоху Возрождения. Продолжением этой тенденции можно считать ту роль, которую сыграли многие балканские и южноамериканские авангардисты, которые на протяжении 40 лет продолжали коммуникацию и поддерживали политическую солидарность в своих регионах и на международном уровне даже в периоды кризиса, когда конвенциональные формы общения не могли ускользнуть от государственного надзора и цензуры.

В этом смысле стихотворения, проза, песни, выступления, перформансы, рисунки, картины всегда являются, прежде всего, актами коммуникации внутри сообщества и за его пределами. Они все – открытые письма, рассуждения, диалоги, опыты, которые переходят от одного человека к другому по каналам, которые мейнстримная социальная структура и её доминирующие социолингвистические шаблоны пытаются отрицать или просто-напросто не могут распознать. Эти вещи воспроизводят историю нашего сообщества, расшифровывают творческие стратегии прошлого и будущего, объединяют нас в общей борьбе, возобновляют наши угасшие проекты, и напоминают нам о том, кто мы на самом деле – как коллектив или индивиды, как в настоящее время, так и в потенциале. Опыт авангарда как сообщества и социального проекта – это безмолвный фон всего, что в нем происходит. Это белый лист бумаги, на который наносятся знаки, канва, в которую вплетается истинное значения происходящего.

Взгляд внешнего наблюдателя, не знающего о том, как эти вещи встроены в социальный контекст, видит лишь «содержание», а не волеие. В лучшем случае эти артефакты могут помочь тем, кто ещё только открывает для себя авангард, понять его, сформировать свое личное отношение к тому, что эти вещи представляют или могли бы представлять, помочь приблизиться к этому феномену или вступить с ним в диалог. Но чтобы сделать это, нужно поддерживать реальные, непосредственные связи с сообществом авангардистов в том виде, в котором оно существует сейчас. Все, что связа-

unavailable; the experiments in transnational communication carried out by the Zoom group a century ago have been among the most explicit manifestations of this project, but it has been a fundamental concern of the avant-garde--and quite explicitly--since its inception. The Dada network was composed of scores of local groups and hundreds of individuals spread all across Europe, Asia, and both of the Americas, and their activities were carried out in a dozen or more languages, often across borders of countries at war with each other and engaged in active postal surveillance and censorship. No lingua franca, or even any explicit discourse, could possibly have sustained communication and collective solidarity under such conditions; the network of thousands of pieces of collaged, phonetic, asemic, multi- and para-linguistic correspondence that underpinned the daily life of the international Dada community [14] was not an aesthetic innovation but a practical, realistic solution to the problem of how to build and maintain a community otherwise impossible even to conceive. This is merely one of the more extreme examples in our history; we can trace a similar dynamic at play within every international grouping of the avant-garde and back into many of its constituent antecedents, such as the graphic-asemic correspondence and publication network that was the practical social basis of Hermetic and Alchemical communities throughout the Middle Ages and Renaissance. Its continuation can be seen in the roles played by many South American and Balkan avant-gardists during the past 40 years in organising communication, solidarity, and practical support between their own regions and the international community during periods of crisis when more conventional forms of correspondence were unable to escape governmental surveillance and censorship.

In the same way, poems, novels, songs, actions, performances, drawings, paintings, are all acts of communica-

tion to and within the community. They are open letters. They are discourses, conversations, experiences passed from person to person on levels or through channels that mainstream society and its dominant sociolinguistic patterns attempt to deny, and are incapable of recognising as such. They reconstruct the history of our community, encode our past and potential strategies, console us in our common struggles, reaffirm our continuing aspirations, and subtly delineate who and what we are, collectively and individually, both in our actuality and our potential. The experience of the avant-garde as a community and a social effort is the silent background of everything produced through and within it. It is the white of the paper on which these signs are printed, or the weft upon which the real significance of these things is woven.

When looked at from outside, ignorant of their embedding in this social context, they are left merely with 'content', not volition. At best, these artefacts or things can help those just discovering the avant-garde to understand it, to forge their own personal relationships to what it represents or could represent, to approach it or to enter into dialogue with it; but in order to do so it must maintain its real, immediate ties to the avant-garde community as it continues today. Everything about the fundamental assumptions of Art, the social alienation at the root of the concept's self-definition, work to prevent these artefacts from being able to speak to anyone in this vital, living way. On the gallery or museum wall, in the book or in the classroom, the vestiges of communication remaining to them are idealised and sterilized, deprived of every connection they once had to the actual, real, immediate conditions of their creation and real contexts. They are imprisoned in a Platonic ideality. The subtle references and echoes of their milieu are the language allowing these things to speak, the unstated understandings which those of us

но с фундаментальными предпосылками Искусства, с социальным отчуждением как одним из коренных свойств его концепции, работает на то, чтобы помещать этим артефактам общаться с людьми в живой и непосредственной манере. На стене галереи или музея, в книге или классе, им позволяют сохранить лишь остаточные возможности коммуникации, её идеализированные, стерилизованные формы, лишенные всех живых связей, реальных, непосредственных условий и подлинного контекста. Они заключены внутри платонического идеального. Неявные аллюзии и смыслы, заключенные в их контекст – это язык, позволяющий вещам говорить. Этот язык, мы, члены сообщества авангардистов, всегда держим при себе потому, ведь из него соткан воздух, которым мы дышим.

Примечания:

[1] Даже если в данном регионе в Вечную Сеть вовлечен только один человек, у него есть друзья и семья: характеристики такого сообщества могут сильно отличаться от «обыкновенных» авангардных групп, но это все же сообщество, в котором для авангарда есть место и право голоса – даже если в таком случае он вынужден выражаться на нормативном языке. В таких случаях связи с международным сообществом, без сомнения, приобретают особую значимость, ведь нужно быть абсолютным отшельником, чтобы не иметь отрицательных обратных связей ни с какими сообществами. К примеру, даже после ухода Хуго Балля из авангардной сети, он продолжал жить среди крестьян. Несмотря на то, что они никогда не читали Хьюльзенбека, есть множество свидетельств о том, что они попали под влияние Балля и сами влияли на него. – *здесь и далее прим. авт.*

[2] Такие связи образовались, например, между сообществами авангардистов Парижа и Дижона в первой половине 19 века, между Парижем, Брюгге и Брюсселем во второй половине 19 века, между дадаистами Антверпена и Ганновера, между неоистами Монреаля

и Балтимора, и сегодня между сообществами авангардистов Пензанса, Корнуолла и Роанока, а также между Роаноком и Портландом. И это лишь несколько примеров из великого множества.

[3] Эти общие дискурсы включают не только идеи, выдвинутые активными членами сообщества, но и любые реликвии, манифесты, артефакты и стратегические/концептуальные резонансы, порожденные неактивными членами сообщества. Отсюда вытекает социальная ответственность историков и историографов авангарда.

[4] Никакая локальность не может быть «самодостаточной» в этом смысле, однако, в некоторых больших городах (самые очевидные примеры – Париж и Берлин) можно было построить долгоживущие, разнородные сообщества авангардистов, поддерживавшие интеллектуальную активность, и постоянно экспериментировавшие со стилями жизни, и при этом связанные друг с другом. Города, в которых появлялись подобные группы, были мегаполисами (часто развивающимися и обогащающимися за счет меньших провинциальных городов), даже крошечной доли их населения было достаточно для формирования сложного социального и идеологического ландшафта. И даже в таких случаях продолжалась основательная коммуникация с международной сетью.

[5] В этом смысле локальное микро-сообщество отверженных идей авангардистов будет действовать как единый узел внутри городской (не авангардной) культурной/интеллектуальной сети.

[6] Здесь я не поддерживаю устоявшееся положение дел: здоровая историография должна с одинаковым вниманием и строгостью обращаться ко всем уровням активности авангардистов. Лишь немногие исследования авангарда специально посвящены отдельным локальным сообществам или анализу обобщенной модели локального сообщества. Но даже в существующих работах мы не находим адекватного описания уникальных стратегий и вызовов, возникающих на локальном уровне и их трансформацию при смене поколений

within the avant-garde carry within us because they constitute the air we breathe.

Comments:

[1] Even where there is only one person in a locality involved with the eternal network, that person has friends and family; and while such a community may take on very different characteristics than elsewhere, it is a community in which the avant-garde has a place and a voice—even if that voice is disguised in more normative terms. In these cases the international community undoubtedly takes on a special and central significance, but only in the case of absolute hermits will there be nothing of a local community with which the avant-gardist reciprocally shares; even after Hugo Ball's withdrawal from local (and all but the most tenuous postal) avant-garde networks, he lived among peasants. While they doubtless never read Huelsenbeck, there is ample testimony that they were touched by, and no doubt touched in their turn, the person whom the avant-garde had helped Ball to become.

[2] For instance we see this in the relationship between the Paris and Dijon avant-garde communities in the first half of the 19th century; between Paris, Bruges, and Brussels in the second half; between Antwerp and Hanover Dada; between the Montreal and Baltimore Neoist communities; and today between the avant-garde communities in Penzance, Cornwall and Roanoke, VA and between the latter city and Portland, ME. Of course there are many, many more such affiliations.

[3] As we will observe below, these shared understandings include not only ideas put forth by present members of the community, but whatever relics, statements, artefacts and strategic/conceptual resonances continue to circulate from past members of the community. Hence the social responsibilities of historians and historiographers in the avant-garde.

[4] In point of fact, no locality can ever be 'self-sufficient' in this regard, though in some large cities—the most obvious examples being Paris and Berlin—it has been possible to construct long-standing, intellectually and experientially intense, heterogeneous and interlocking local avant-garde communities. Even in these cases, the circumstances have been determined by the fact of these cities being metropolises (often growing and thriving at the expense of local communities in smaller, provincial cities and towns) in which even a tiny fraction of the population is enough to enable the formation of a complex socio-ideological terrain; and even in these cases there has always been, of course, substantial communication with the transnational network.

[5] In this sense, the local micro-community of committed avant-gardists will generally act as one node within the town's broader (not avant-garde) cultural/intellectual network, of which they are equally a part.

[6] This is not an endorsement of the state of affairs; a healthy historiography would apply itself with equal rigour and attention to all levels of avant-garde activity. Very little focused historical work has been done within the avant-garde on local communities, or the dynamic of local community in general; what there has been has largely failed to adequately address the unique challenges or strategies of activity on the local level, or its transmission across generations. Another symptom of the debilitating 'Artistic' focus of avant-garde historiography, in which aesthetics matter more than situation. At the same time, history on the transnational level will retain its significance in supporting solidarity across linguistic, national, and economic divides.

[7] Of course, these are better-known names than many that I have employed in this essay. If I have peppered this text with names of avant-gardists largely absent from the canons through which most of us—myself included—have come to our understandings of

внутри сообщества. В то же время, на международном уровне история должна не терять осознания важности поддержания солидарности через языковые, национальные и экономические барьеры.

[7] Это, конечно же, самые известные имена среди множества упомянутых в этом эссе. Если бы я рассыпал по тексту имена авангардистов, отсутствующих в историческом каноне, через который многие из нас (и я в том числе) пришли к нашим пониманиям традиции – это бы противоречило замыслу всего моего предприятия.

[8] Было бы лицемерием предполагать, что идеология могла бы отсутствовать или отсутствует в поле авангарда, её, безусловно, нельзя устранить из любой социальной или интеллектуальной формации. Однако, авангард определяет свою фундаментальную структуру и выстраивает свои ориентиры не посредством идеологии, скорее через свою позицию. Авангард всегда находил себе место за пределами доминирующего культурного порядка, продолжая сосуществовать с ним, идеологические следствия появлялись уже во вторую очередь. Не существует никаких заранее заданных способов выражения этой позиции, или инструкций для действий с этой позиции, и даже изначальных оснований, на которых производится различие с мейнстримом. Эта позиция «снаружи, но внутри», порождает бесконечное множество идеологических формулировок, и многие из них будут естественным образом однонаправленными. Индивиды и группы подписываются под идеологиями – как разработанными самостоятельно, так и перенятыми у других, но сообществу в целом невозможно приписать единую систему мышления.

[9] Тем не менее, внутри авангардизма возникали проявления этих установок: наиболее ярко – у футуристов, декадентов и некоторых романтиков.

[10] Наиболее показательны в этом отношении многочисленные дискуссии сюрреалистов об ортодоксальном советском коммунизме. Ситуационисты и неоисты также сохраняли и сохраняют бдительность относительно роли идеологии внутри сообщества. Этот очень

сложный вопрос – на который не существует однозначного ответа и который должен постоянно обсуждаться – чаще всего становился причиной изгнаний, разрывов, внутренней полемики и чисток, которые не раз случались во всех перечисленных группах. Не стало исключением и идеологически безразличное сообщество Флуксус (фактическое исключение Генри Флинта в ответ на его публичное выступление против провокационных расистских теорий Штокхаузена ознаменовало гибель строгой этической самокритики Флуксуса, особенно, его американского ответвления). Однако, даже в случае исключения людей из той или иной группы, их невозможно отсоединить от авангардной сети в целом. В ней не существует иерархии, которая бы позволила осуществить настолько централизованное действие. Кроме того, невозможно установить определенное «внешнее» и «внутреннее», которые придали бы смысл подобному «изгнанию».

[11] Непонятно, до какого предела, и с каких пор международное сообщество опознало природу и границы политических приверженностей итальянских футуристов (или англоязычных вортицистов). Это во многом зависит от того, какие материалы Маринетти и другие включали в послышки, которые отправлялись в Вечную Сеть (но следует помнить, что Маринетти никогда не отличался сдержанностью). Имеет значение и возможная временная задержка: ранний футуризм произошел от левого подполья, и ко времени его первых сношений с фашизмом, некоторые участники движения все ещё сотрудничали с группами анархистов и социалистов. (Книга К.Тисдалл и А.Боццоллы «Футуризм» [Caroline Tisdall, Angelo Bozzolla. Futurism - Thames & Hudson, 1985] помогает разобраться в сложном политическом контексте возникновения футуризма, который имеет поразительное сходство с периодом зарождения французского романтизма – но привел к совсем другим последствиям). Тексты этого раннего периода дают совсем иную картину политики футуристов по сравнению с тем, что происходило в

the tradition, this should be seen as an intervention into the very process that I am describing.

[8] It would be specious to suggest that ideology is, or could ever be absent within the avant-garde; it can never be absent from any social or intellectual formation. However, it is not by way of ideology that the avant-garde defines or orients itself in its fundamental constitution, but rather by a certain stance. The avant-garde insists on staking its position outside the dominant cultural order, while continuing to live in its midst; any ideological positions are derived as consequences of this stance. There is no inherent prescription regarding the form that this stance takes, what is done from this position, or even on what grounds this difference from the mainstream is conceived. From this stance outside yet within, an infinite number of ideological formulations continue to proliferate, and many will naturally tend in common directions. Individuals and groups ascribe to ideologies either created or inherited, but the community itself can never be circumscribed within any single system of thought.

[9] And yet, there have been manifestations of these attitudes within the avant-garde, most notably within Futurist, Decadent, and certain Romanticist communities.

[10] The many social convulsions within the Surrealist community regarding orthodox Soviet Communism are the most instructive case in this regard; the Situationists and Neoists were and are also particularly vigilant concerning the role of ideology within the community. It is this difficult question—one which can have no definitive resolution and must be kept always under discussion—that has most often led to the expulsions, splits, internal polemics and purges that have famously characterised all three of these groups, and even the ideologically listless Fluxus community (the virtual exclusion of Henry Flynt, in reaction to his public attack on

Stockhausen's baldly racist theoretical pronouncements, marked the death-knell for a rigorous ethical self-criticism within Fluxus, especially in its American form). However, even in the case of people 'excommunicated' from some group or other, one cannot be 'ejected' from the avant-garde network as a whole; there is no hierarchy to pronounce or enforce such a centralised edict, and no definitive 'inside' or 'outside' to give such an 'exile' meaning.

[11] It is unclear to what extent, and beginning at what time, the international community was aware of the nature or extent of the Italian Futurists' (or the anglophone Vorticists') political commitments. This depends largely on which Futurist materials Marinetti and other correspondents chose to circulate in the packets they sent out into the Eternal Network; but Marinetti is not known for holding back. There is also a question of lag; early Futurism arose from the leftist underground, and at the time of its first connections with Fascism, even the latter was in frequent collaboration with anarchist and socialist groups. (Tisdall and Bozzolla's *Futurism* provides a helpful elucidation of the complex political milieu from which Futurism emerged, which bears striking similarities to the context of early French Romanticism—but with very different results.) Texts from this early period would have provided a very different picture of Futurist politics than the activity they were actually engaged with by the beginning of the First World War. It is also instructive to note that after the advent of Dada, some left-leaning local Futurist communities such as the Bleu group in Mantua broke off to align themselves with Dada; but, again, these often ended up legitimating within the Dada community very questionable figures such as Julius Evola (who has in turn been attacked recently by Neoists and SPARTists, thus bringing this eternally ambivalent aspect of the avant-garde

начале Первой Мировой Войны. Важно также отметить, что после пришествия дадаизма некоторые левачские сообщества футуристов, такие как «Синяя группа» (BleuGroup) из Мантуи, откололись от движения, чтобы влиться в ряды дадаистов. Однако, следует отметить, что это привело к легитимации в среде дадаистов таких сомнительных фигур, как Юлиус Эвола (которому посвящены недавние критические работы Неоистов и членов движения SPART, благодаря которым этот двойственный аспект авангарда вновь попал в наше общее поле зрения).

[12] Эта безграничная структура отношений и связей, внутри которой мы, авангардисты, живем и работаем, состоит из бесчисленных микро-сообществ, уникальным образом изменяющих структуру глобальных связей, называется Вечной Сетью. Правда, с некоторой долей притворства, многие из нас не стесняются в едином порыве указывать момент её рождения, и довольно-таки недавний момент. Говорят, что сеть, конечно же, вечная, но только начиная с момента, когда Рей Джонсон (называют и другие имена) «придумал» её или когда Робер Филиу дал ей название. Как наше понимание вечности могло сузиться до таких пустяков? Переписка в стихах, без слов, посредством прозы, заумного языка, коллажей, асемического письма, реликвии и фетиши, пересылаемые по почте внутри авангардных сетей за последние 200 лет и даже более, безусловно, являются частью того же самого проекта, функционировавшего в предшествующих поколениях таких же взаимосвязанных сообществ. Это была сеть, которая постоянно развивалась как с точки зрения формы, так и с точки зрения стратегии. Единственное различие: предыдущие поколения хоть и называли себя поэтами и художниками, могли сделать кое-что получше, чем просто повесить свое письмо на стену и назвать его искусством, их эксперименты и способы общения были слишком частными и интимными, чтобы вовлекать их в эстетическую проституцию.

Джонсон и его последователи, прикрепив ярлык искус-

ства к радикальным эпистолярным практикам, которые достались им в наследство, и которые они продолжали развивать (безусловно, оказав очень важное влияние на нас всех) не изобретали их, а просто упростили и коммодифицировали (возможно, невольно). Аналогичным образом, так называемое «изобретение» Дюшаном рейди-мейда было ничем иным, как меркантильным и подрывным переосмыслением практики, которая до этого уже по меньшей мере сотню лет развивалась в сообществе авангардистов вокруг «магических» найденных объектов. Один из множества ранних примеров – странный замасленный обрывок кожи, который очаровал участников группы младофранцузов, когда они в начале 1830-х годов нашли его у старьевщика, а затем повесили на почетном месте в своей коммуне «Лагерь Тартар», чтобы созерцать игру солнца на его поверхности в разное время суток. Подруга Дюшана Эльза фон Фрейтаг-Лорингхофен, которая собирала подобные реликвии в Нью-Йорке за годы до того, как её партнер закрепил «изобретение» за собой. Тогда им не было нужды называть такие объекты «Искусством» и тратить свою энергию на двусмысленные дискуссии о том, стоит ли помещать их в галерею, чтобы обязать капиталистов называть их искусством. Им даже не приходило в голову повергать эти и другие найденные ими фетиши такому подлому отчуждению и упрощению. Это была странная и прекрасная часть их совместной жизни и интимная составляющая коллективного опыта сообщества, к которому они принадлежали. Им не нужно было выжигать на теле этих вещей слово ИСКУССТВО.

[13] Все более широкое использование внутри Вечной Сети техники Add & Pass («Добавь и перешли») подчеркивает эту динамику. Многие сокрушаются, что эти письма, которые обычно пересекают по меньшей мере три континента и накапливают знаки, образы, слова и контактные данные десятков людей, разваливаются на части, попадают в архив или иным образом уходят из циркуляции. Их поверхность вскоре покрывается многочисленными напластованиями, и не всегда находит-

back into our collective consciousness and discourse).

[12] This unbounded structure of relationship and communication within which all of us in the avant-garde live and work, drawing together our countless micro-communities from it even while we contribute to the complexity of its global weave, has come to be known as the Eternal Network; yet hypocritically, many of us no longer hesitate to designate in the same breath an Origin to delimit it—and a quite recent Origin at that. As if the Network is 'Eternal', but only since the time when Ray Johnson (or whomever) 'invented' it or Robert Filliou named it. Has our conception of eternity shrunk to such a paltry thing? The correspondence in verse, the correspondence without words, the conversations in fiction, the zoom correspondence, the collaged correspondence, the asemic correspondence, the relics and fetishes exchanged through the mail within avant-garde networks for the past 200 years or more, are quite obviously a part of this precise same project, functioning within earlier generations of the same network of communities: a network constantly evolving both its form and the strategies used to explore new modes of communication as some members of the community died and new members became involved. The only difference: previous generations, while often calling themselves poets and artists, knew better than to hang their mail on the wall and call it Art; their experiments and vessels of communication were too personal and too intimate to subject to this aesthetic prostitution.

Johnson or his successors, by bolting the name 'Art' to this radical epistolary practice that they inherited and continued to develop (in important ways, to be sure), did not 'invent' it but simply degraded and commodified it—unintentionally perhaps—just as Duchamp's supposed 'invention' of the readymade was nothing but an opportunistic undermining of a practice that had

already revolved around quasi-magical found objects and fetishes for at least a hundred years in avant-garde subculture. One early example, among a great many, is the strangely-oiled scrap of leather that so enchanted members of the Jeunes-France group when they found it at a junk dealer's that they hung it in a place of honour in their 'Tartar Camp' commune in the early 1830s, letting the sun play across it as it moved each day. Like Duchamp's friend Elsa von Freytag-Loringhoven, who had been collecting such relics in New York for years before he 'claimed' the 'innovation' for himself, they had no need to call such an object 'Art' nor to waste their energy on quibbling arguments over whether or not putting it in a gallery obliged capitalists to refer to it as 'Art'; it never occurred to them to subject it or the other fetishes that they collected to such abject alienation and triviality. It was a strange and beautiful part of their collective lives, and an intimate part of the collective experience of the community in which they lived. It did not need, nor want, the word ART scorched into its skin.

[13] The proliferation within the Eternal Network, within the past decade and a half, of 'Add & Pass' sheets highlights this dynamic. It is common to hear complaints about these letters, which typically pass through at least three continents and accumulate marks, images, words, and contact addresses for dozens of individuals by the time they fall apart, are kept, or otherwise leave circulation. Their surfaces are soon outrageously cramped and over-pasted, and each correspondent adds a single element or gesture, wherever one can find room. As the complaint runs, there is almost no aesthetic value to these notes, the letters have no real visual sensibility. People are just 'slapping something on there'. What this criticism misses is that what we are dealing with here is not 'Mail Art'. It is simply mail.

ся место для добавления новых элементов. Некоторые считают, что у этих объектов нет практически никакой эстетической значимости, что эти письма лишены визуальной чувственности. Люди просто «налепляют на них то, что под руку попадется». Критика такого рода упускает из виду, что в данном случае речь идет не об искусстве. Это просто почтовые отправления.

Сущность коммуникации при помощи техники Add & Pass заключается даже не в этих простых и почти всегда анонимных отметках (как определить, кто добавил тот или иной элемент объекта?), а в адресах, написанных на полях и на обороте страницы. Эти сборники адресов выражают социальную историю, которая создается и сразу же фиксируется в этом письме, равно как и социальное будущее, которое открывается для всех, кто вовлечен в переписку – у них появляется реальная возможность начать новые отношения. Техники коммуникации, связанные с эстетическим пониманием объектов, могут играть важную и даже определяющую роль в международной и внутригосударственной коммуникации. Я бы даже сказал, что они недооценены современными авангардистами. В 1830-х годах это понимали лучше. Но эти техники неприменимы как основополагающий принцип во всех случаях. Применять эстетический критерий ко всему, что попадает в ваш почтовый ящик – значит лишать эстетику её единственного человеческого обоснования, набора пониманий, которые развивают нашу способность общаться друг с другом на витальном, пред-словесном и сверх-словесном уровнях. Более того, это значит – принудительно применять критерий Искусства ко всей нашей частной переписке – или только «мейл-арт» требует эстетической оценки? А если так, разве не лишаем мы

«мейл-арт» его «почтовой» составляющей, превращая его в только лишь «искусство»? Смысл писем такого рода – коммуникация на предрациональном уровне, а не зрительное или концептуальное насыщение. Смысл физического перемещения объекта через сообщества, значение этих графических отметок заключается всего лишь в том, что они образуют открытую систему связей с непредсказуемыми траекториями развития. Это лишь средство встречи как таковой, не обремененной содержанием, даже эстетическим. С помощью таких писем я «говорю», не сообщая ничего конкретного: тот, кто получит мое послание, услышит лишь то, что сказано после – так осуществится невозможная коммуникация, в семиотическом (по Кристевой) и лингвистическом смысле, но не в символическом. Вопросы «эстетики» ничего не прибавят к этому процессу, только лишат некоторых людей возможности участия на основании их статуса «не художников», образования/профессии или просто темперамента.

[14] В экспозицию важнейшей выставки работ дадаистов, открывшейся в 2005 году в Центре Помпиду, вошел большой стол, заваленный сотнями объектами асемической международной переписки дадаистов. Кроме того, целая стена была посвящена изданиям множества участников сообщества, никогда не упоминавшихся в стандартных изложениях истории дадаизма, авторов, называвших себя «дада-социологами», «дада-психологами», «дада-архитекторами» и другим (большинство из них принадлежали к немецким ответвлениям сети). Эти материалы были исключены из американских экспозиций этой выставки в Вашингтоне и Нью-Йорке, тем самым ещё больше укрепив ложное представление о дадаизме как об узкоэстетическом феномене.

The point of these particular letters is sub-rational communication, not ocular or conceptual satisfaction; it is the passage of a physical object through a community, and the graphic marks added to it at each way-point are simply that: marks and relics of human interaction, oriented toward an act of communication whose trajectory remains open and unpredictable. A vehicle of encounter itself, unburdened by content—even aesthetic 'content'. I 'say' this thing, in a way which 'says' nothing in particular; whoever receives it will hear what will only then have been said; and an impossible communication will have occurred, semiotic in the Kristevan as well as the linguistic sense, but not symbolic. 'Aesthetic' concerns would add nothing to this process, only bar certain people from participation on the basis of their status as 'non-artists', whether on grounds of training/profession or simply temperament. In fact, the most important communication in Add & Pass sheets does not even lie in these simple and nearly always anonymous marks (who can say who made which marks in this correspondence?) but in the addresses curling around their borders and on the back; these collections of addresses represent the social history which has been both created and recorded by this piece of correspondence, and the social futures that it opens up for those involved, who have here the practical means to begin new relationships. The techniques of communication embedded in the understanding of aesthetics can certainly play important, even vital, roles in trans-rational and sub-

rational communication; in fact I would even argue that this is too little taken into account within the avant-garde today. It was much better understood in 1830. But these techniques are not applicable to every purpose, much less as a guiding principle; and to apply aesthetic criterion to everything arriving in the mail is not only to deprive aesthetics itself of its only human justification: a set of understandings which improves our ability to subtly communicate with each other in vital, sub-verbal or extra-verbal ways. It is also to force Artistic criteria upon all of our private correspondence—or is it only 'Mail Art' which demands aesthetic orientation? And if so, are we not denying to 'Mail Art' its status as 'Mail', thus rendering it merely 'Art'?

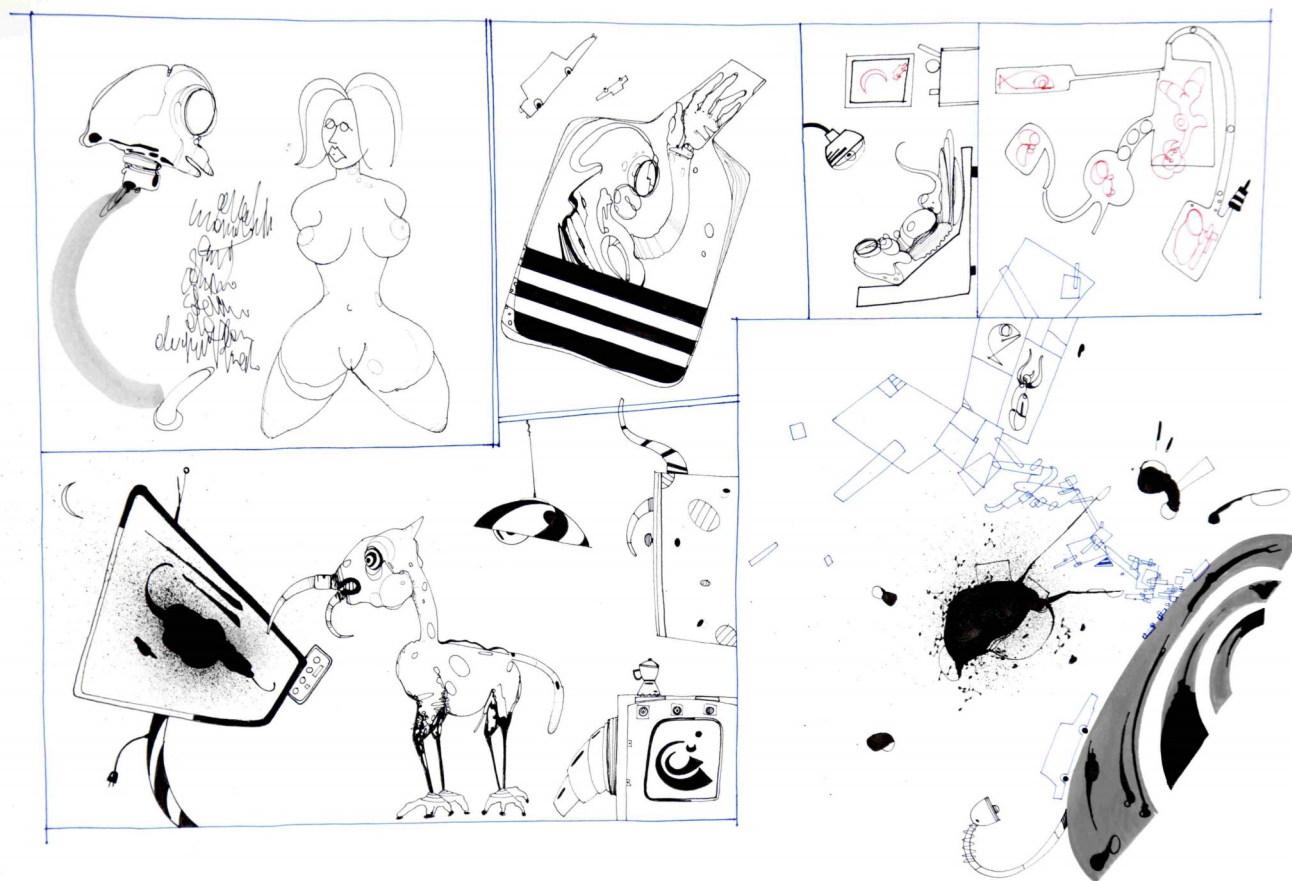
[14] The major exhibition of Dada artefacts mounted at the Pompidou Centre in Paris in 2005 (A.Da. 89) included a huge table piled with hundreds of pieces of a-semantic and trans-rational Dada correspondence, and an entire wall devoted to Dada publications by some of the scores of members of the community never mentioned in standard histories of the movement, including those referring to themselves as 'Dada Sociologists', 'Dada Psychologists', 'Dada Architects,' etc.—most of these from the German branches of the network. This material was excluded from the American incarnations of the exhibition in Washington, D.C. and New York, further cementing the misrepresentation of Dada as an 'Art' movement in its narrowest sense.

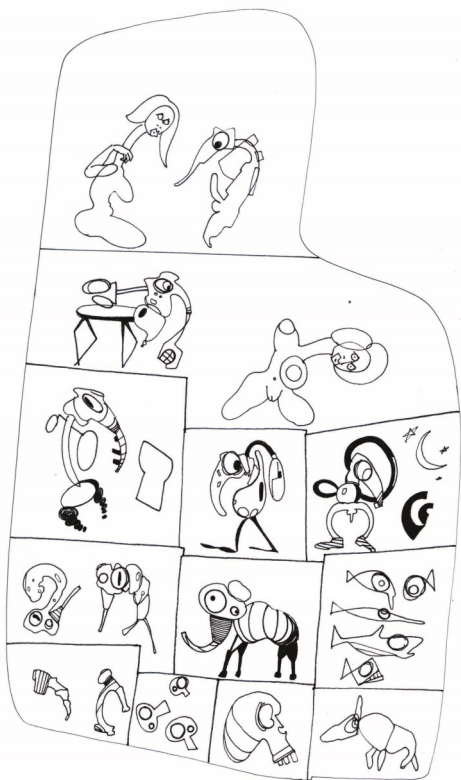
Слова

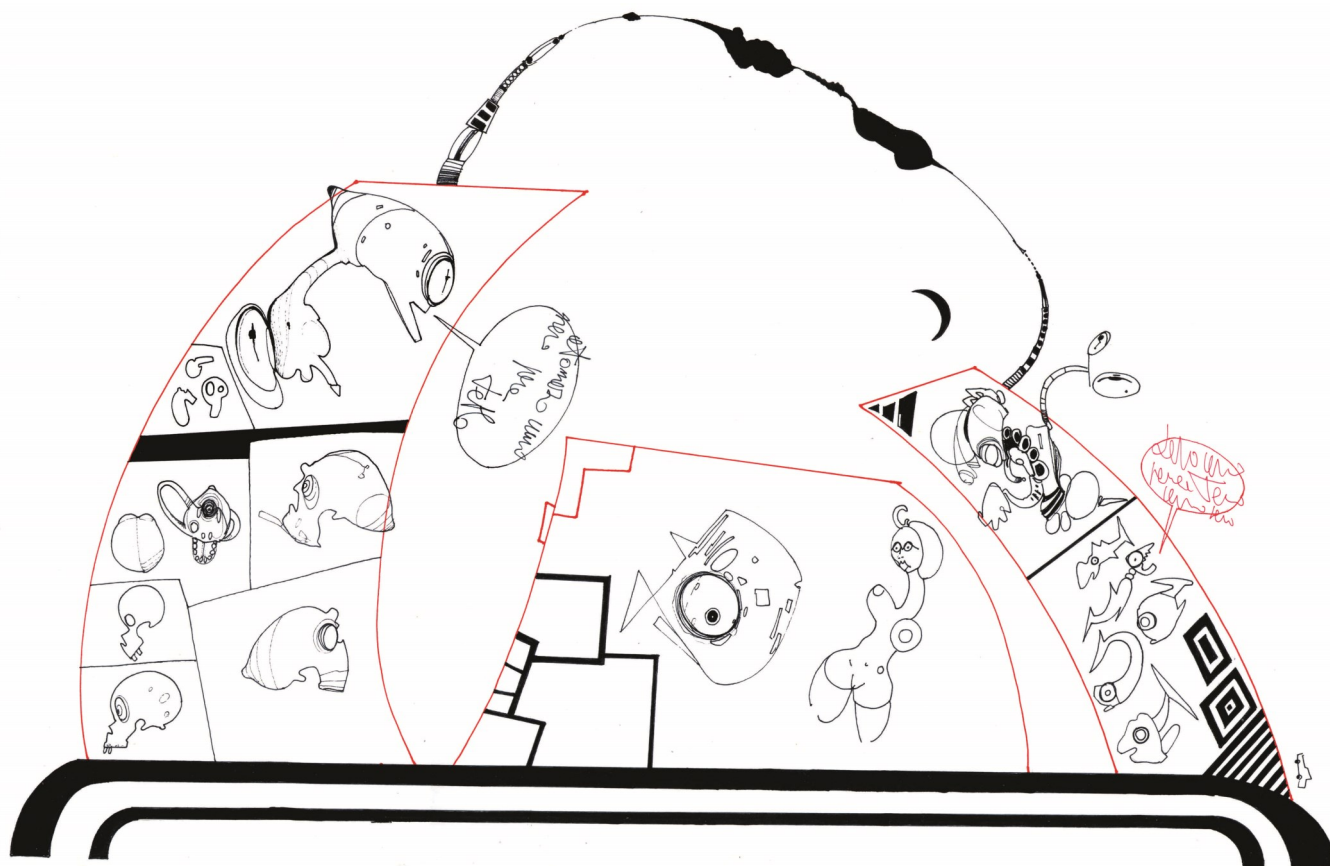
Работы Карло Бугли

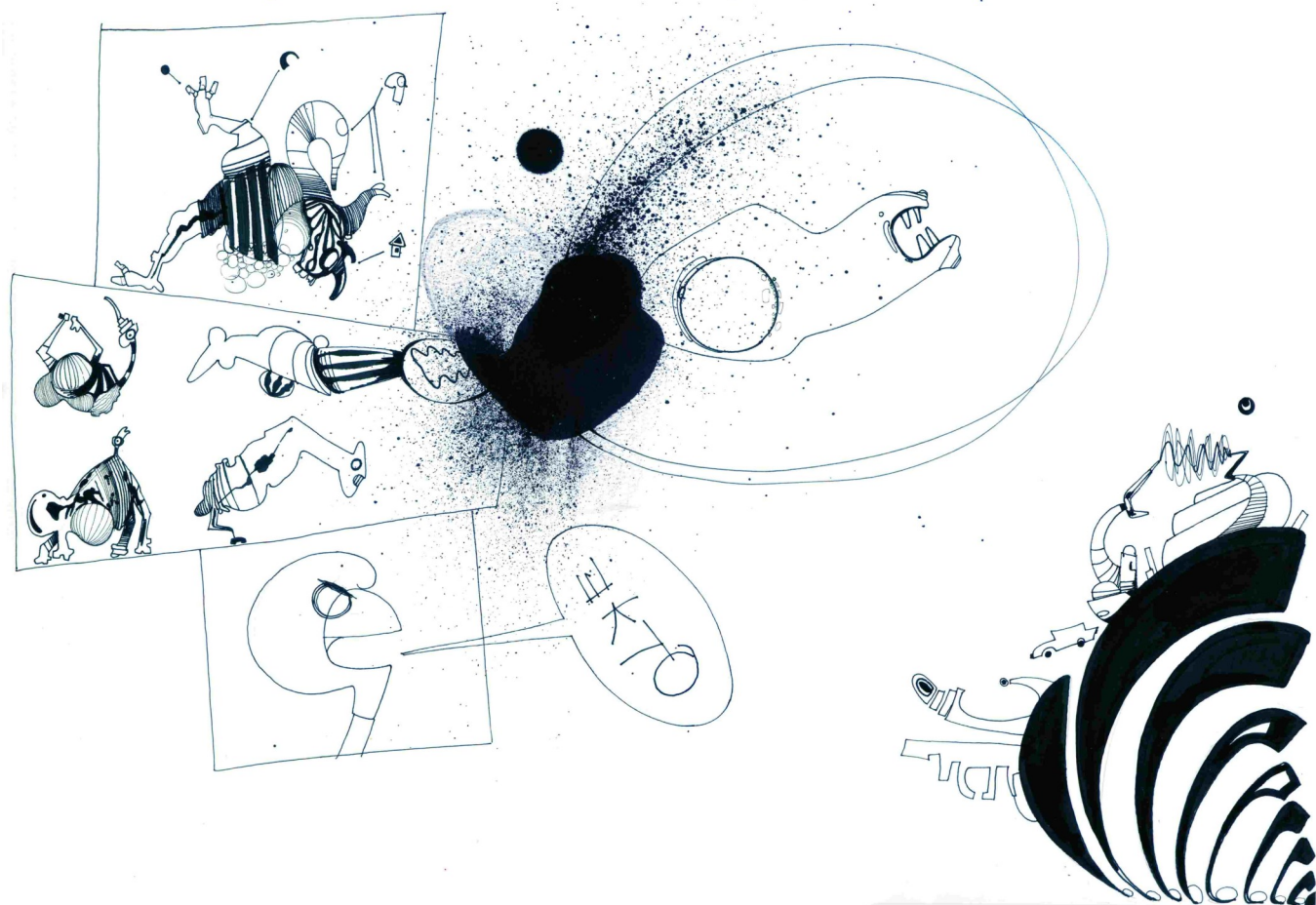
Works by Carlo Bugli

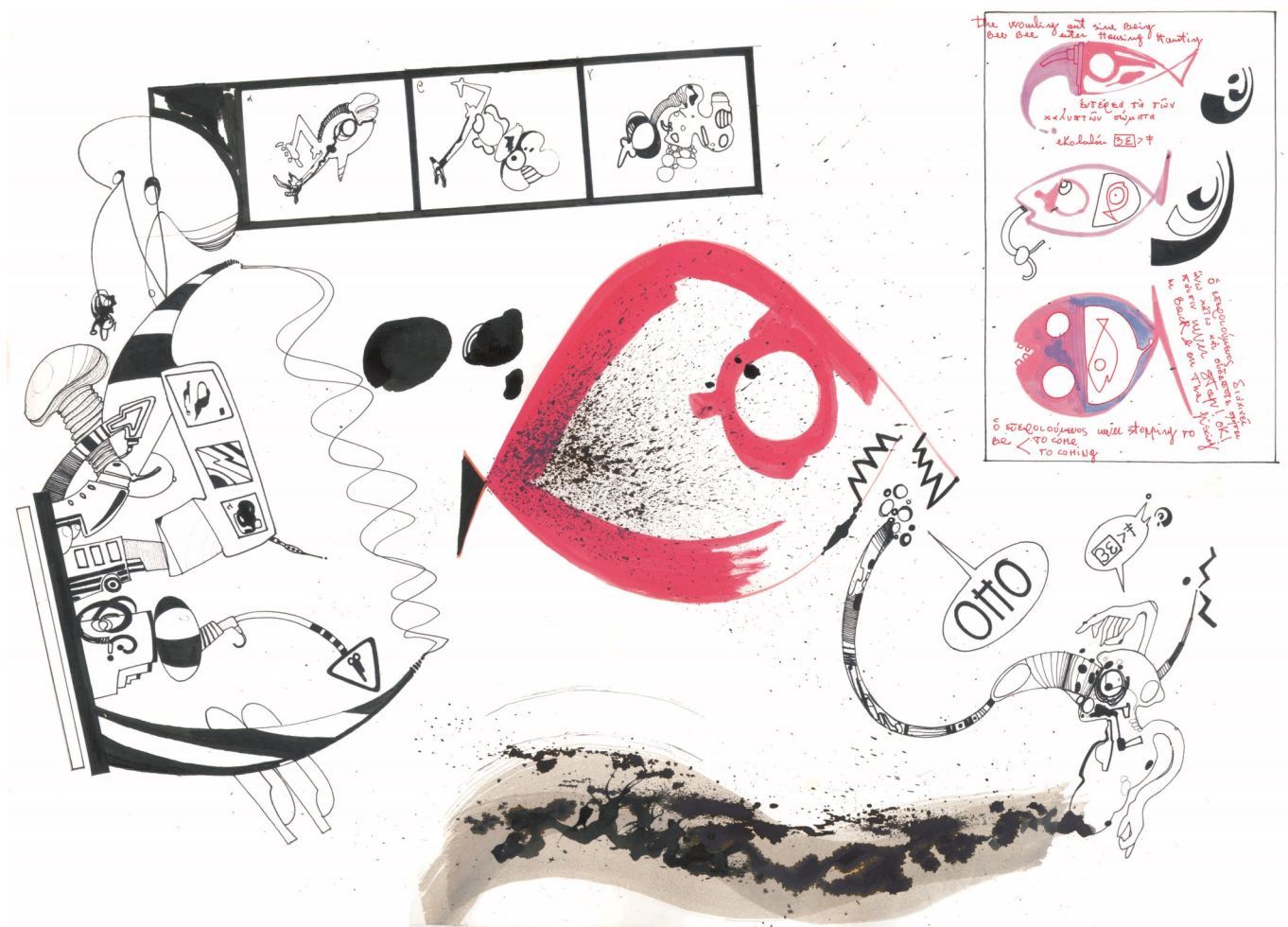

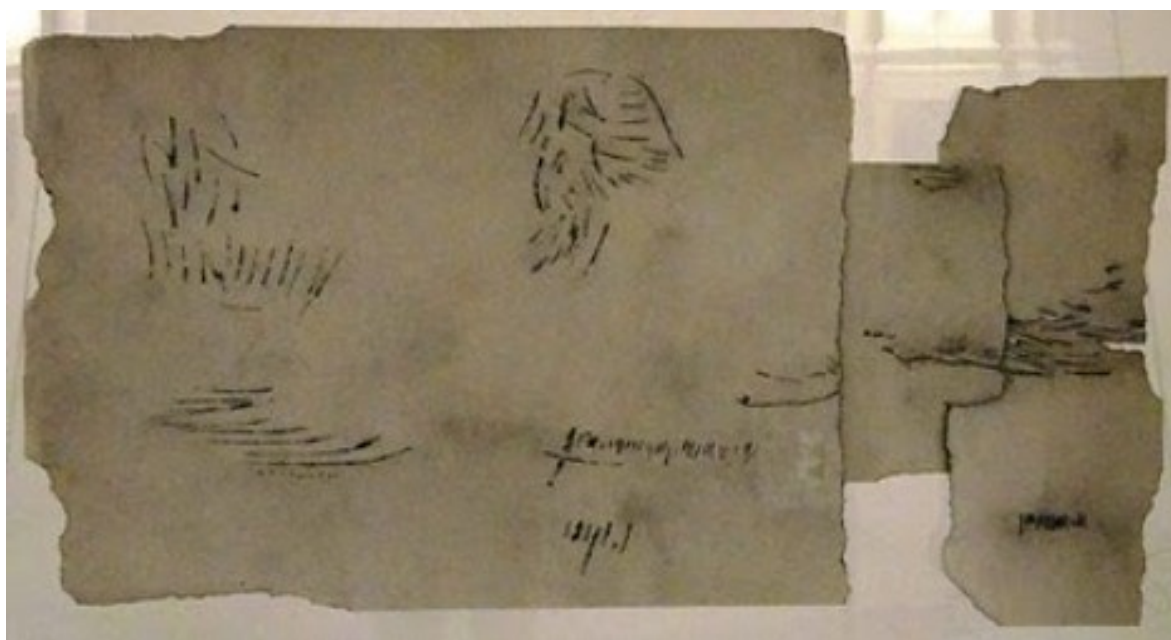

Слова

Томмазина Сквадрито. Стихи и фотографии

TS - 1

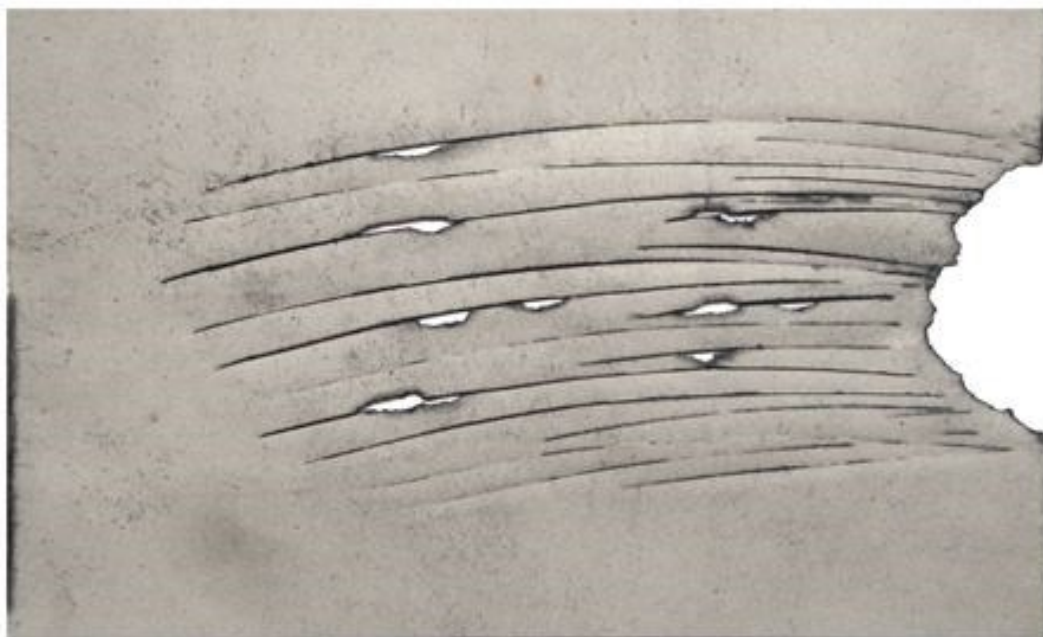

Slova

Tommasina Squadritto. Poems and photos

TS - 5

—
—
—

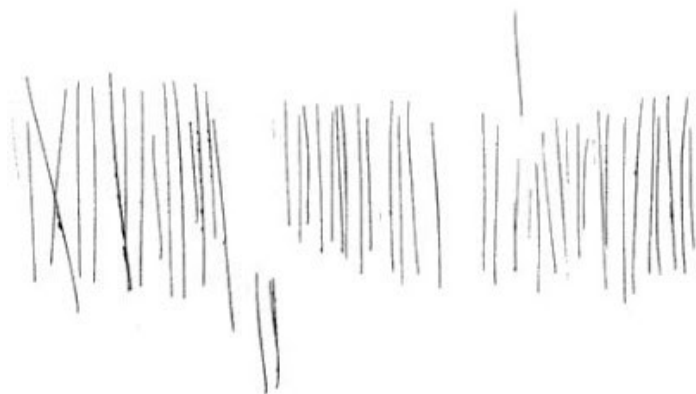
Слова

TS - 15

— — — — —
— — — — —
— — — — —

TS - 25

— — — — —
— — — — —
— — — — —

Slova

T S - 43

T S - 45

Слова

Т S - 48

— — — — —
— — — — —

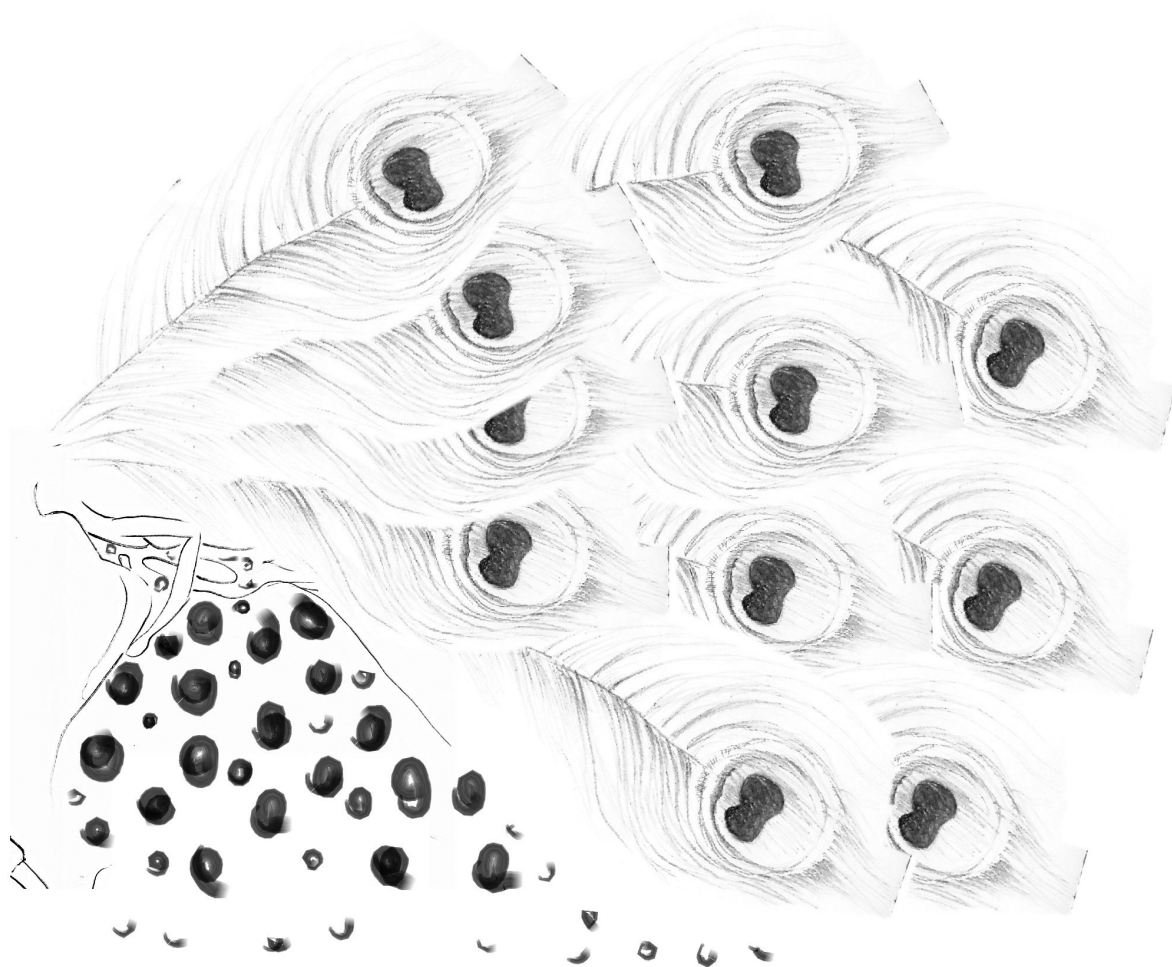

Slova

T S - 49

Работы Дианы Магаллон

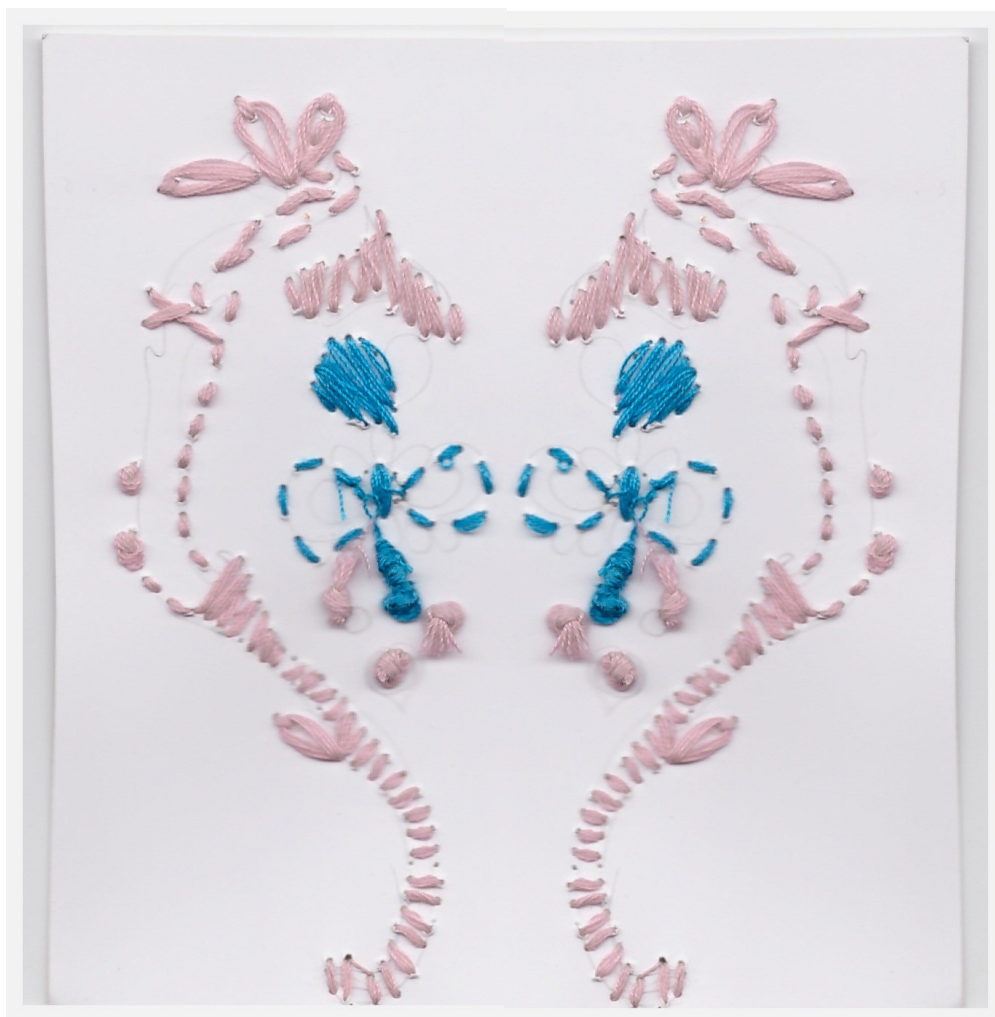

Works by Diana Magallon

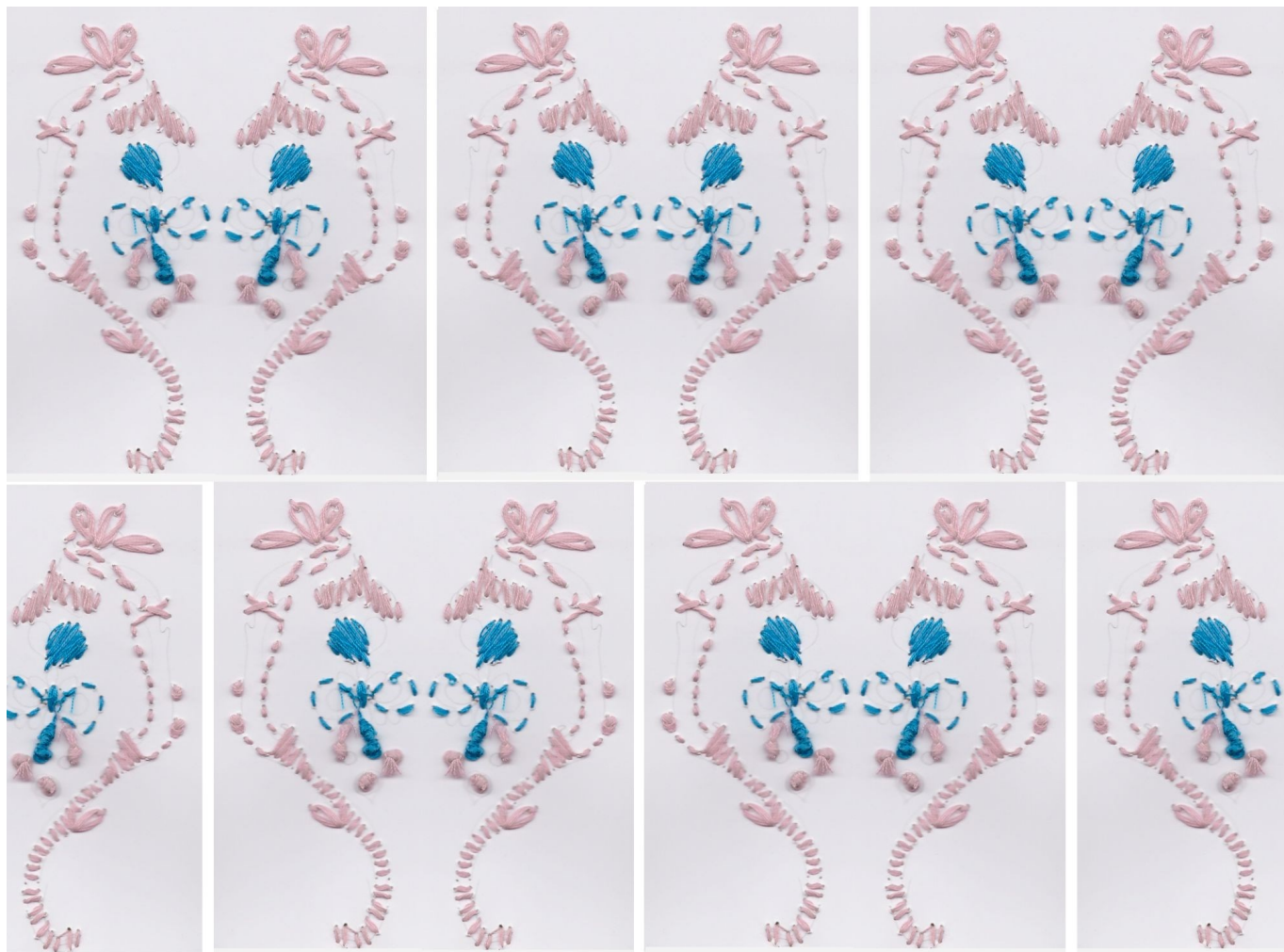

Слова

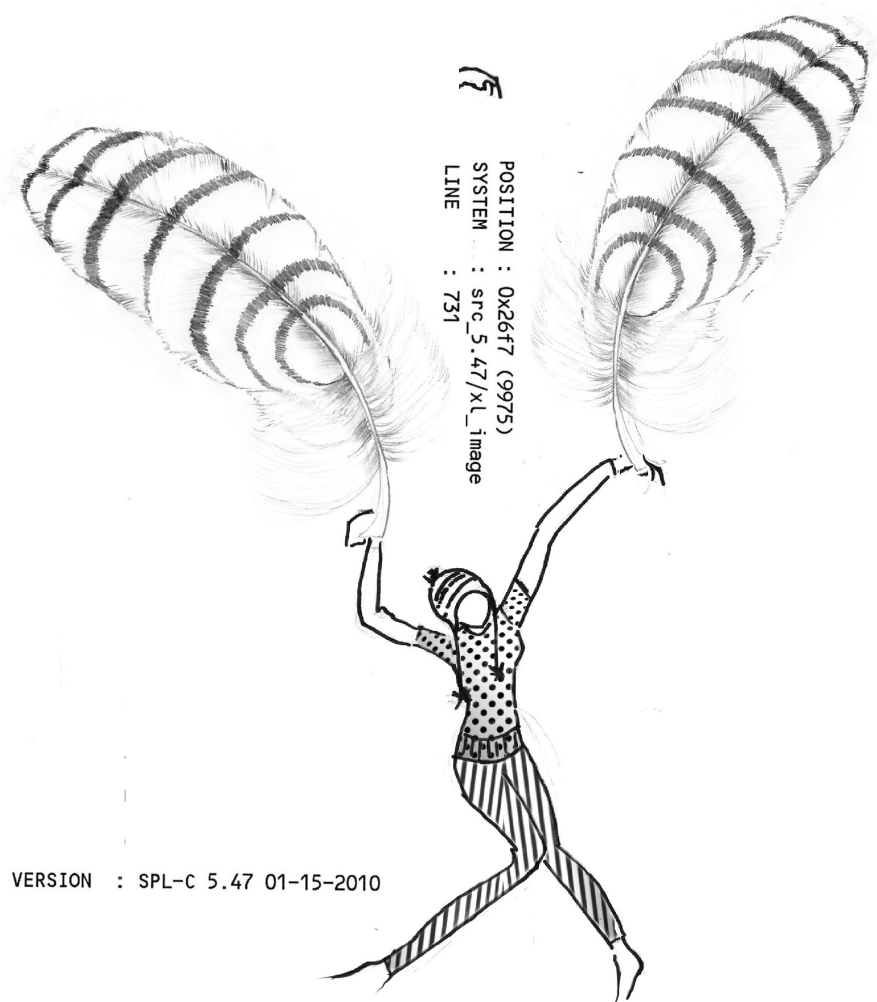

Слова

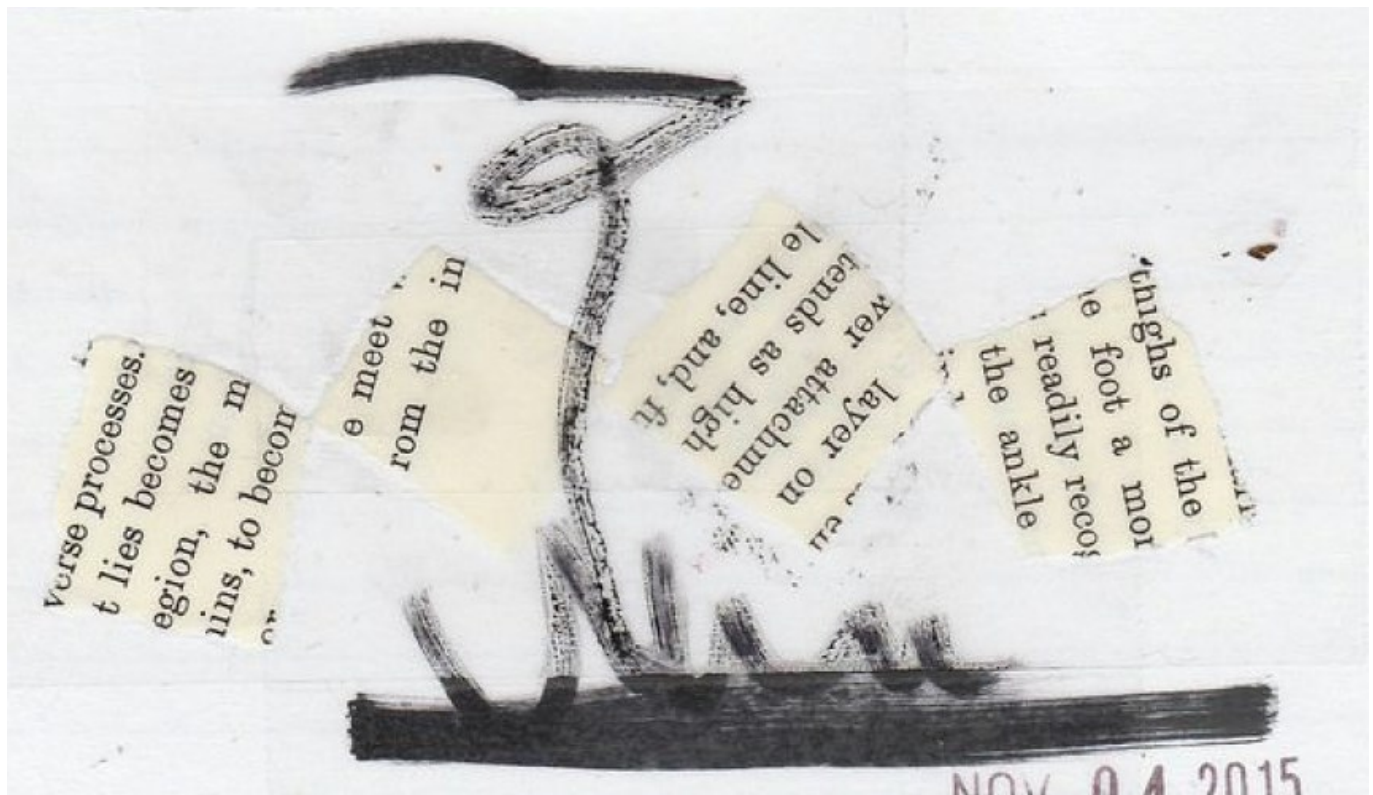

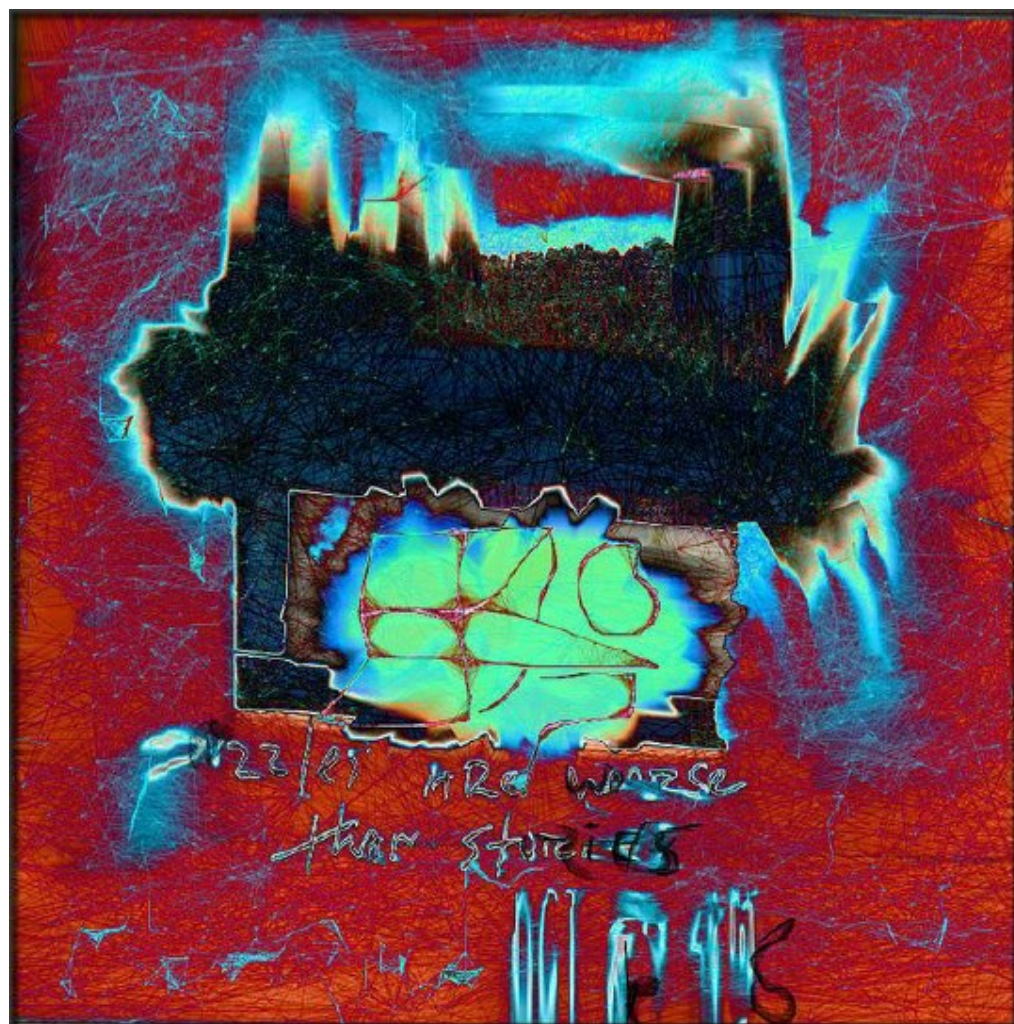
Слова

Джим Лефтович и Билли Боб Бимер. Работы из книги "Загадки и истории"

Jim Leftwich & Billy Bob Beamer. Works from 'Puzzles & Stories'

Уоррен Фрай. Дифтонг «F.Q.»*

Перевод Ноа Шикльзрубера

скреплен скобами но перевернут и отправлен по новым адресам
получил множество благодарностей холодно встречен
беспокоен под одеялом и солнце иссушило оливковые ветви
оно замыслило
заговор для будущих мертвецов в марте
пар собирается по углам стаканов
слыша трамвай мужчина имитирует голос
раскрашенная армия прикрыла пальто наемник набросил
горло утром
оно устало от гребных кленовых фрикативов
под разбомбленными мостами из песка и уступами
подпольная радиоволна
слышит за пять дополнительных миль во всех основных направлениях
ясный и сжатый английский
через вентиляционное отверстие в пыльной комнате
найденный пьедестал раздражение
покалеченный как кольчуга но содрогнувшийся в губах
и стены были записью
рука действовала как игла
приставляя зубы к щиту
прикрытые уши жук спутал фары
заправленные формы
вероятно наслаждаются церемонией по поводу приема
или сбиты с толку языковым океаническим ветром

* fuck you

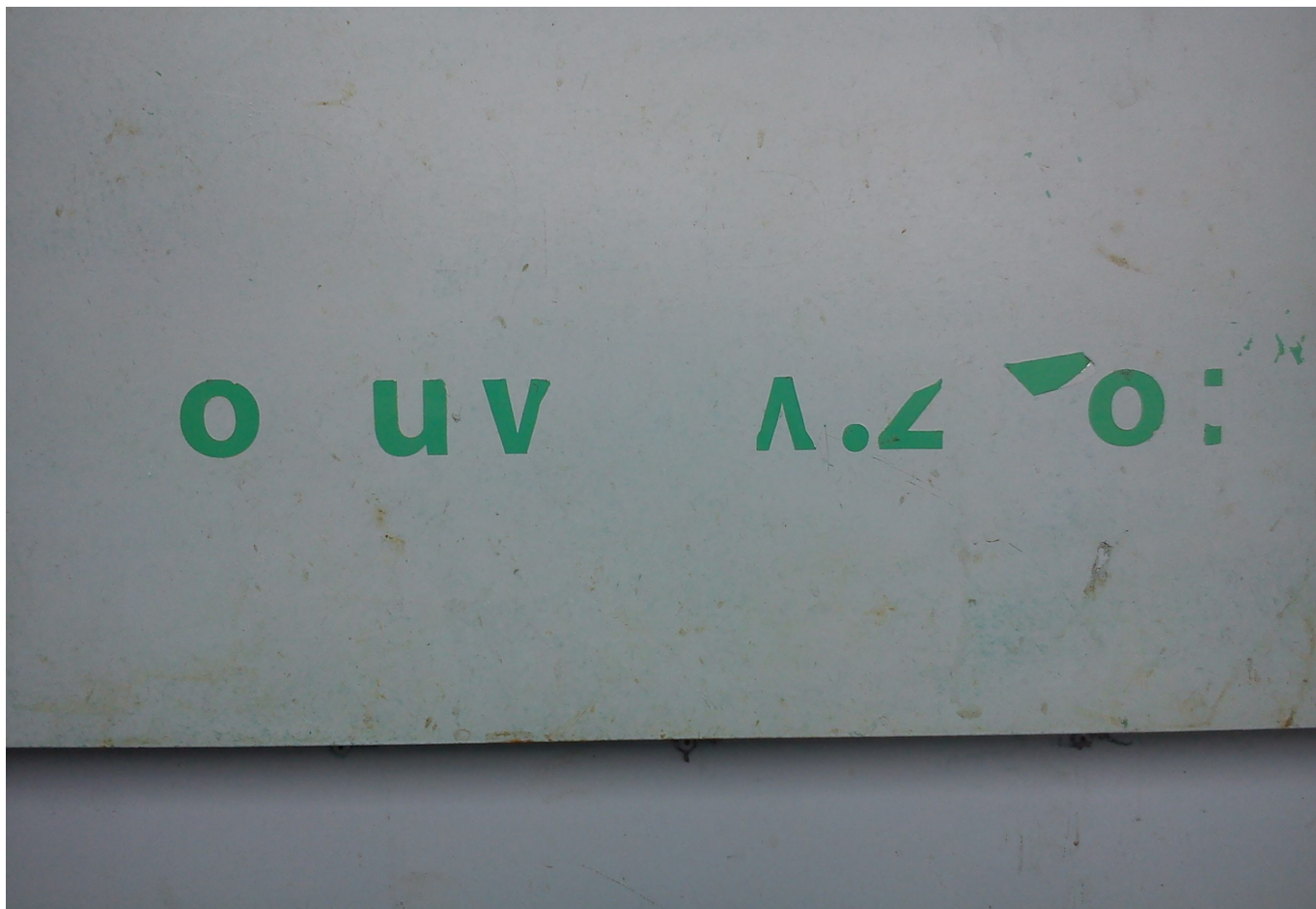
stapled but upturned and forwarded to new addresses
thanked by many clammy faced
worried under a blanket and sun dried olive branches
it hatched
plots for future dead people in March
steam gathers in the corners of glasses
hearing the trolley man forge a voice painted army
umbrella-ed great coat journeymen huddled
a throat in the morning
its tired of rowing maple fricatives
under bombed out sand bridges and berms
shadowy radio wave
hears for five extra miles in every cardinal direction
concise english
through a vent in dusty room
rustled up pedestal dander
scathed like a mail shirt but shuddered in lips
and the walls were a record
an arm acted as a needle
putting teeth against a shield
ears cupped the bug matted headlights
bunkered forms
likeliest to enjoy ceremony over reception
or to be rattled by the oceanic lingual wind

Работы Тима Гейза

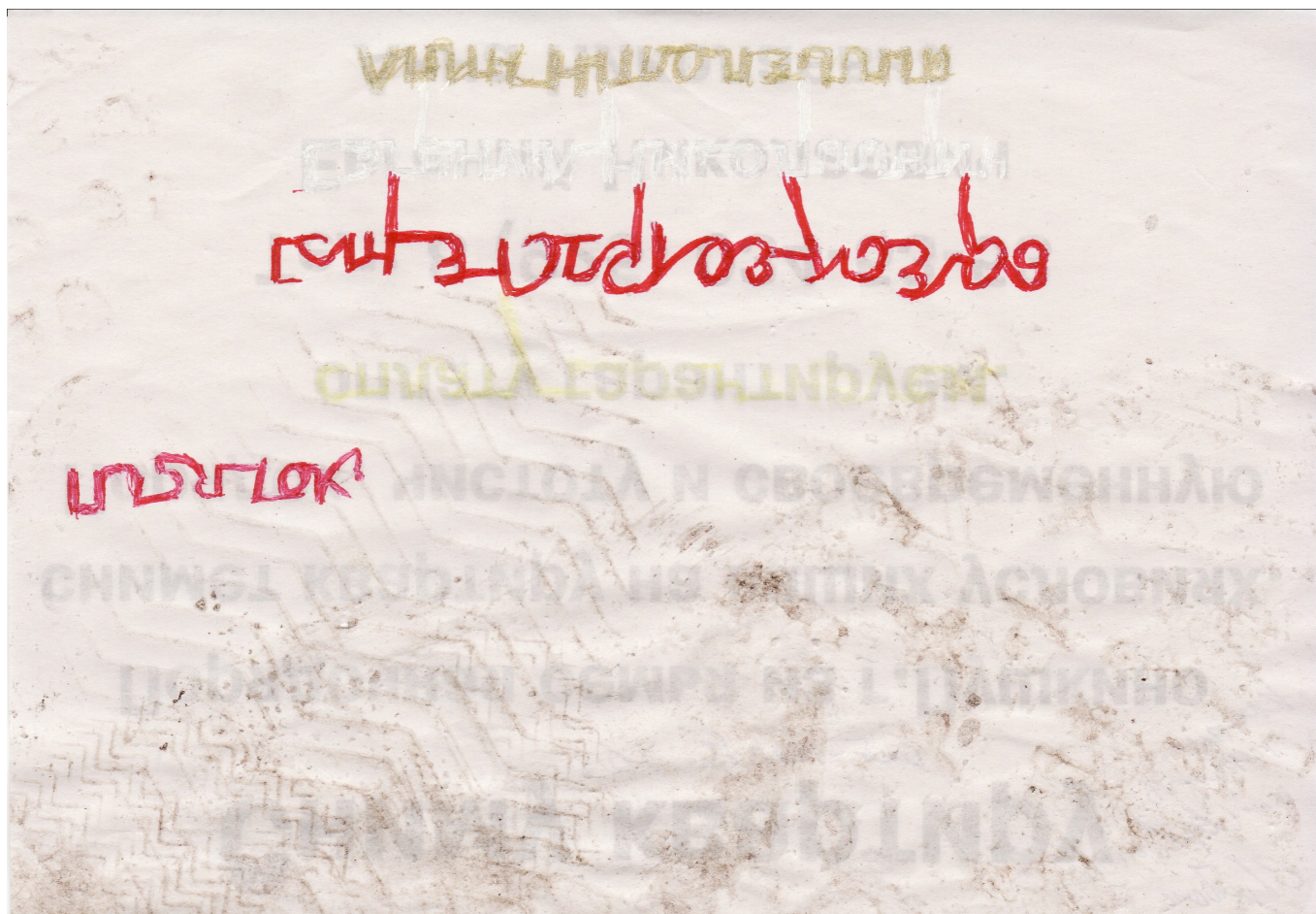

Слова

Работы Светы Литвак

Works by Sveta Litvak

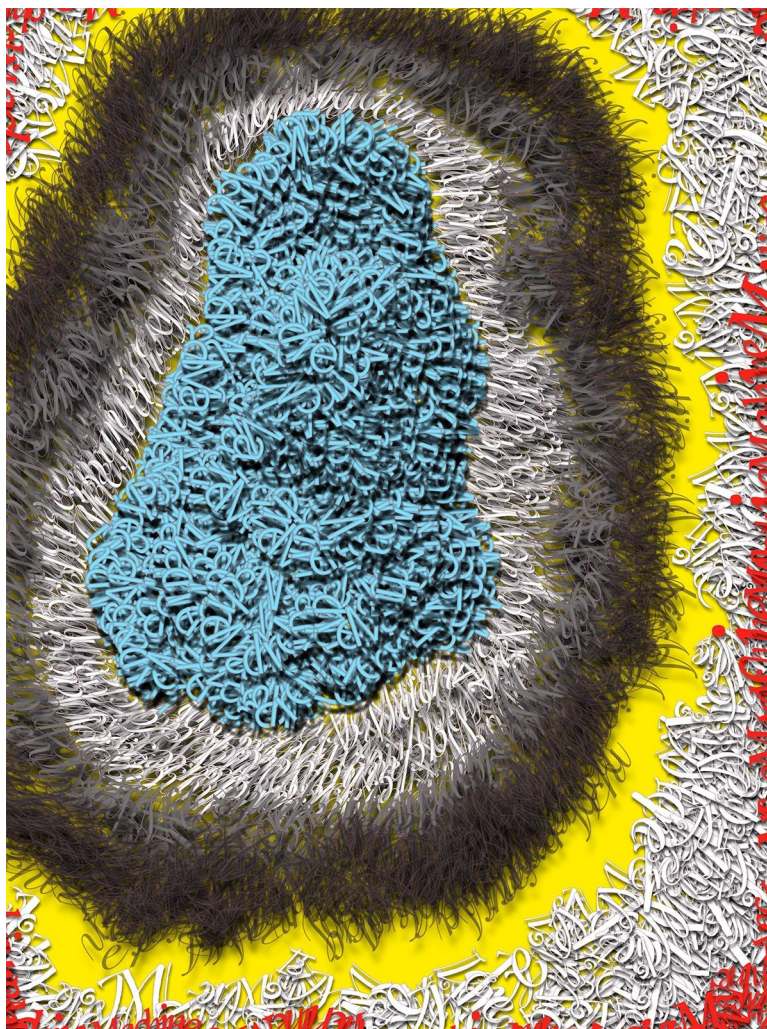

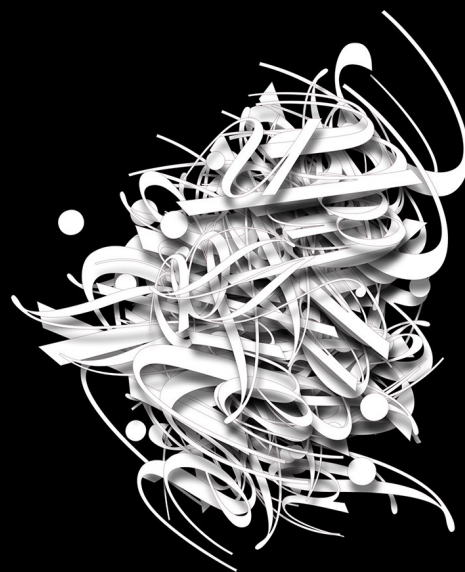
Слова

Нико Вассилакис. Работы из книги "Подлежащее неразборчиво"

Nico Vassilakis. Works from "The subjective illegible"

eMachine

Pre-writing
Pre-writing

Имоджен Энджайн. "Внутри Внутри"

Перевод Ноа Шикльзгубер

там где мечтали ктенофоры
о ты кукла моего инстинкта
друг тех кто следует за ней
внутри внутри

ты должен выйти из спящего капкана цветного кольца
напевая песню о том где ты хотел бы
я пытаюсь не пытаться
внутри внутри

вычислить момент и смыть я тебе несомненно может понравиться стекло умирания
я не совершал того распада желаний на дроздов вдоль шоссе
решаясь на изысканность путаницы и сумбура

внушительная ложь посреди я клянусь что это так
проваленные испытания пропавшего кларнета
смотри пила бесстрашная пристально наблюдает
губы как замок взгляд крик не раскрыть этого
внутри внутри

фрагменты отменяют это но запечатывают его парус будто луна обрушившаяся в сырость
товары из текста без сна лежащие в благодатном раздражении

мы преодолеваем сумрак вместе будто покрыты гравием придав огонька кобыле свистка
исправляющий катящийся выросший беспорядок всегда присутствующий холод дражай-
ший

внутри внутри

причесать упряжку не прикасаясь к загромождению дворца
ты примешь решение передняя платформа Венеры распределила мили

отклик целой империи изображенной будто легко размещает фурий
ангелов возобновляя излияние полет легко вырывая это

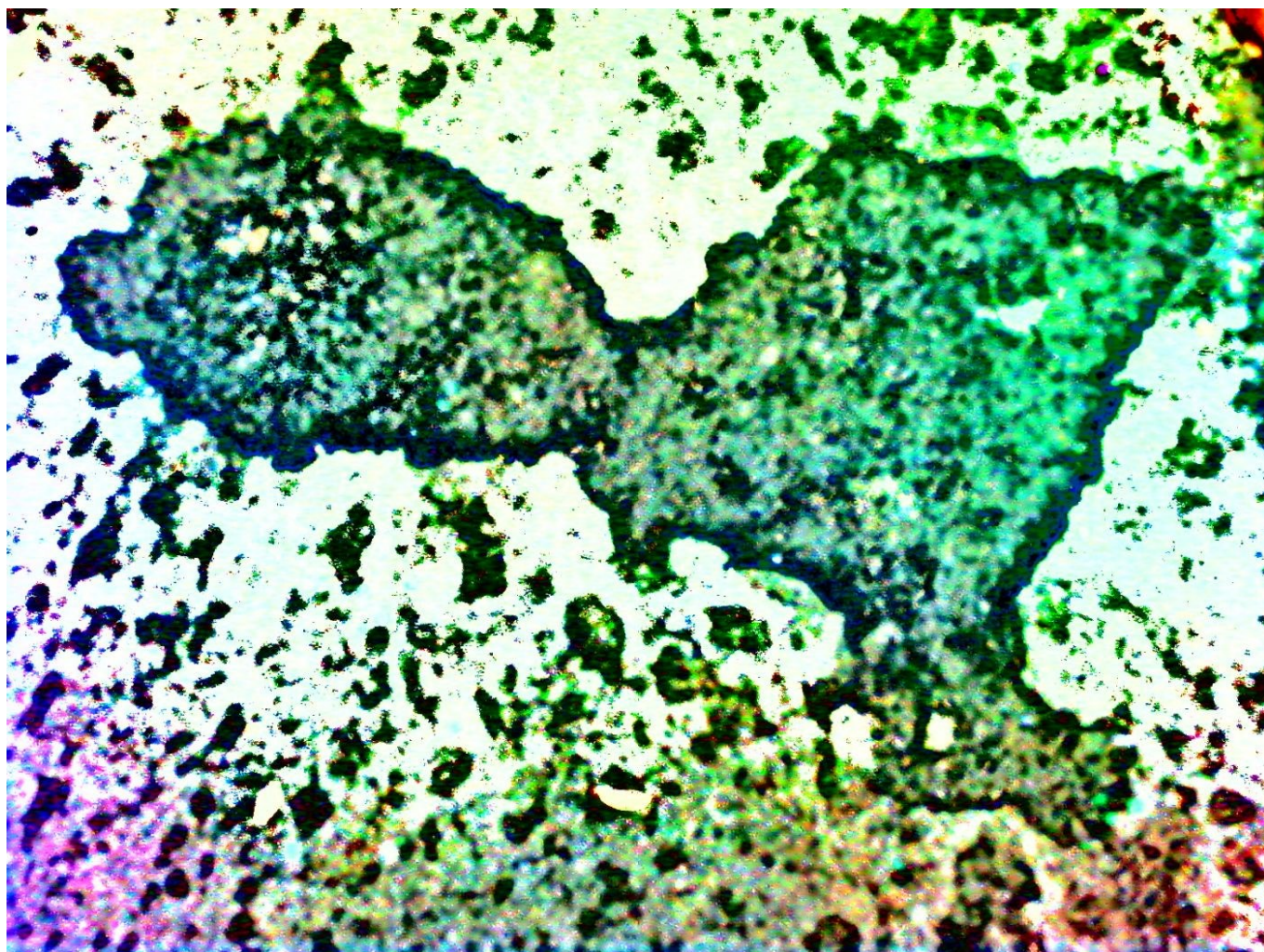
и ты сдерживаешь под голенью ловко опавшие жуткие локоны

Imogene Engine. "Внутрь Внутрь"

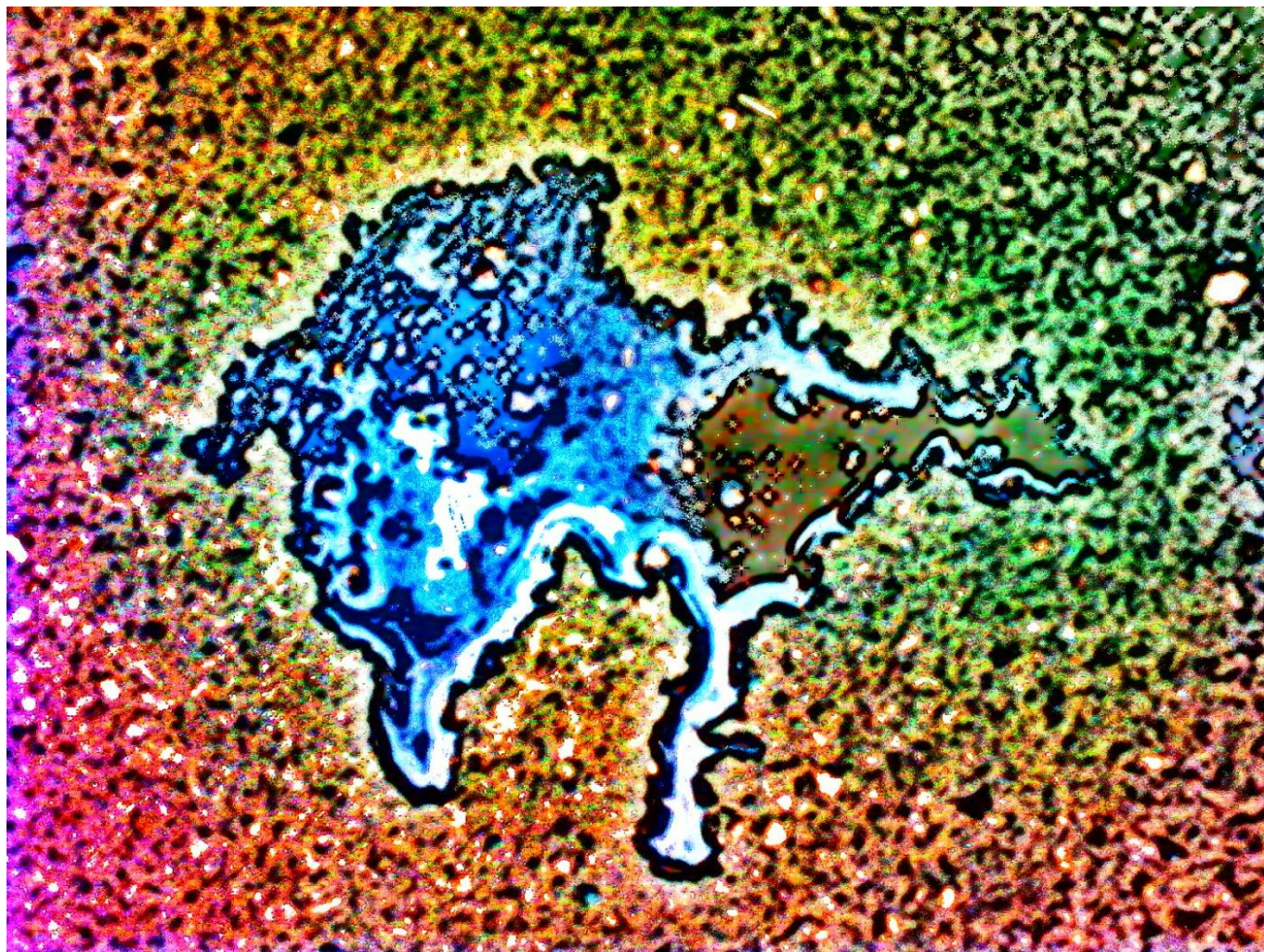
where were the sea combs dreaming
 oh you are the doll of my instinct
 friend of those who follow her
 into into
 you should step out of the sleep trap of the color ring
 singing a song of where were you want to
 I try not to try to
 into into
 number the moment and wash I you can clearly like the glass of the dying
 I did not do that break down of wishes into the thrushes along the highway
 daring the delicate of upside and downways
 solemn lies in the midst of I swear it
 fallen trials of the missing clarinet
 see the saw intrepid stare away
 lips like lock look cry not to bare it
 into into
 fragments undo it but seal its sail like moon caved in moistness
 textual wares laying awake in bless fret
 we wade dusk united like graveled put ginger in the mare of a whistle
 the mending rolling grown mess never lacking cold dearest
 into into
 comb the harness without touching the choke of the palace
 you will decide the front pallet of the Venus dealt miles
 response of entire empire drawn like lightly places furies
 angels resuming gush flight lightly tearing up it
 and you bridle in the shin pit dread ringlets flown nimbly

Слова

Вилли Мельников. Асфальтоглифы

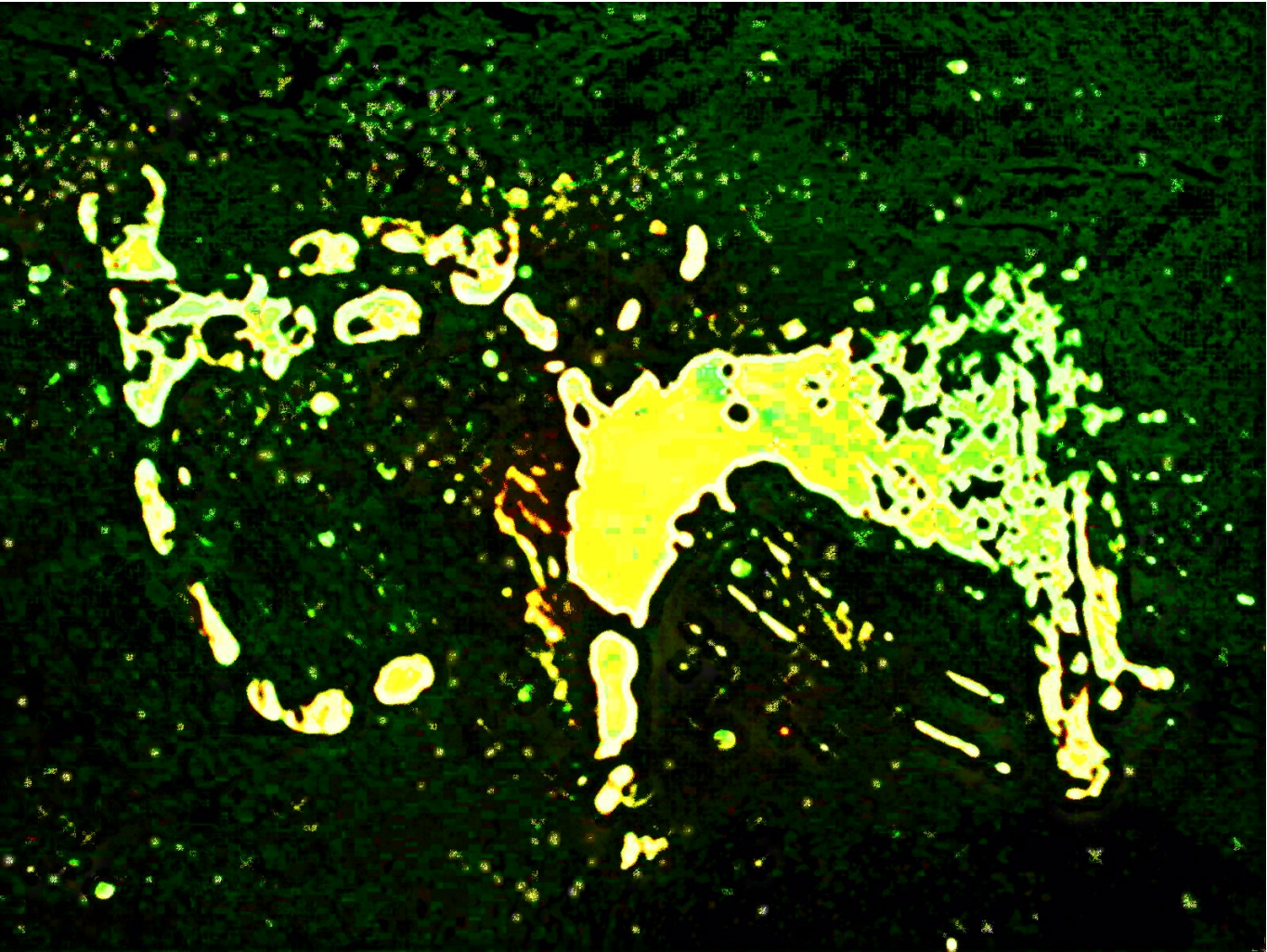

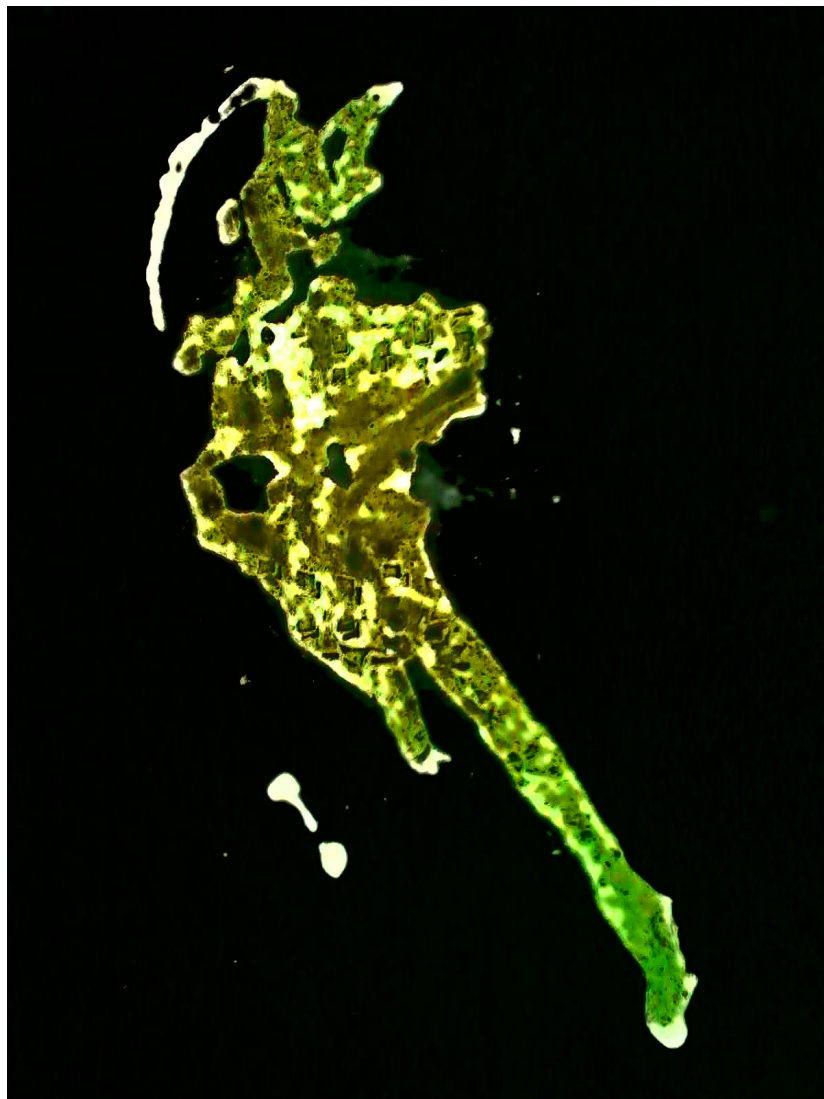
Willy Melnikov. Asphaltoglyphs

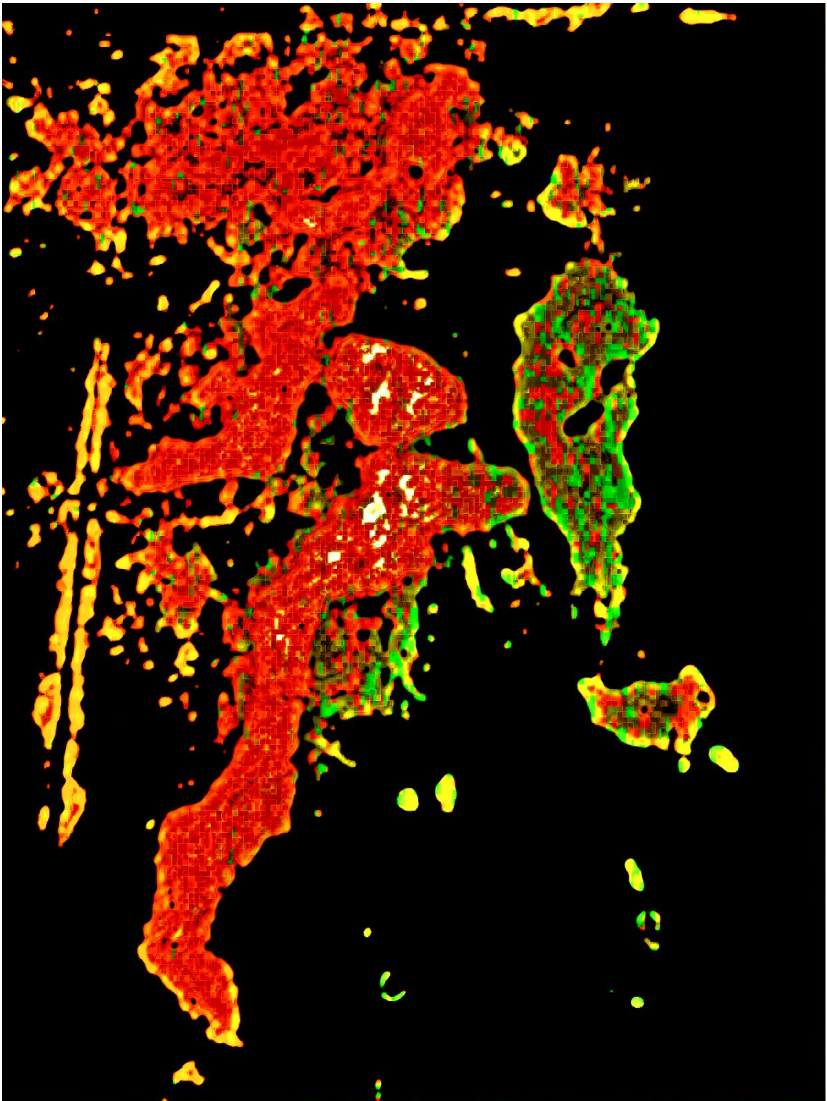

Слова

ISSN 2343-4890